

Аглая Отрада

Чёрный
ЛЕБЕДЬ

16+

Аглая Отрада
Черный лебедь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Отрада А.

Черный лебедь / А. Отрада — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-98190-4

В устоявшуюся жизнь хозяина детективного агентства вихрем врывается любовь. Девушка красива, талантлива, богата, умна - и при этом совершенно неизбалованна. Но... она другому отдана - через месяц свадьба с преуспевающим бизнесменом. Однако не любовь ведет ее под венец, ее окружает какая-то тайна. Сможет ли герой за месяц завоевать сердце любимой и уберечь от беды? Готова ли она пожертвовать собой, чтобы спасти любимого? В оформлении обложки использованы фотографии с сайта [pixabay](http://pixabay.com) по лицензии CC0.

ISBN 978-5-532-98190-4

© Отрада А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Аглая Отрада

Черный лебедь

Глава 1

– Глеб, милый! У меня для тебя сюрприз! Ты же помнишь про свой день рождения?! Я забронировала люкс в одном из лучших отелей Сочи. Мы целую неделю сможем быть вместе! Представляешь?! Только ты и я! И никаких преступлений, никаких неадекватных клиентов.

Женщина маняще улыбнулась и медленно погладила место рядом с собой, явно давая понять, насколько она соскучилась.

– Нинель! Я, кажется, просил – никаких дорогих подарков. Дари, как обычные нормальные женщины – носки, пену для бритья – не обижусь. Не хочу быть должным. И вообще, зачем я тебе нужен? Старый больной волк, в холодильнике мышь повесилась, в кошельке не хватит пиастров, чтобы удовлетворить твои запросы.

Как голодная пантера, Нина выгнулась и, отбросив одеяло, бесстыдно шагнула навстречу Глебу. Неотрывно глядя ему в глаза, игриво закусив нижнюю полную губку, она сдернула полотенце с его бедер и провела пальчиком по животу, дерзко вторгаясь в запретную зону.

– У тебя много других достоинств, – промурлыкала она, недвусмысленно намекая на главное, по ее мнению.

Глеб уже готов был капитулировать, но все же продолжал лихорадочно обдумывать пути отступления. Однако их не было, полчаса назад сам отрезал, сказав, что на работе полный штиль. Тело не возражало против присутствия Нины. Однако мозг трусливо подавал сигналы «SOS», напоминая, что не хлебом (в данном случае) не телом единым жив человек, а кроме того важна душа, ее свобода. А Нина, кажется, не на шутку решила взяться за процесс окольцовывания Штольцева, который считал себя вольной птицей и не хотел быть помеченным. Уехав на неделю под расслабляющее южное солнце, он сильно рисковал бы своей свободой. Нина, как многие женщины, считала, что брак укрепляет отношения. Может это и так, но Глеба все устраивало в том виде, в каком было. Без роковой записи в пресловутых актах гражданского состояния.

Нина прервала поток его нерадостных мыслей, игриво прижавшись обнаженной грудью к нему и проведя руками по его крепким, мускулистым бедрам.

Мужчина перестал сопротивляться чарам обольстительницы, захватил одной рукой ее затылок, второй жадно обнял за талию и медленно, по-хозяйски поцеловал, вовлекаясь в ее игру. «Решаем вопросы по мере их поступления», – решил он и, подняв на руки, понес женщину на кровать.

Но, видно, Штольцев предварительно принес подношение каким-то богам, так как его отчаянное нежелание лететь на отдых с Ниной было услышано. В другой раз телефонный звонок, прервавший приятный процесс, заставил бы его чертыхнуться. А сейчас это был шанс «отмазаться»: трусливо убежать по срочному делу и на досуге найти убедительную причину отказаться от поездки.

Звонил Рогозин.

– Штолянчик, Штолюшечка, Штоленька, Штолюнюсик!!! Глебушка! Рабом твоим буду. Требуй в оплату, что хочешь. Клянусь, никогда в жизни больше ни о чем не попрошу.

Такой явный перебор с уменьшительно-ласкательными формами фамилии ничего хорошего не сулил. Но Глеб готов был ринуться в пасть к крокодилу, только бы избежать неприятного разговора с Ниной. Поэтому на лице он изобразил крайнее недовольство, а в душе тихой

волной поднималось ликование. Какова бы ни была причина звонка, ничто не могло омрачить дух свободы, который уже явственно ощущался в воздухе.

– Rogozin, и не проси, я улетаю с Ниной на отдых, – по возможности твердо, чтобы показать женщине честность его намерений и в то же время не отпугнуть спасителя. В общем, как убегающая от петуха курица: «Не слишком ли быстро я бегу?!»

Rogozin, с которым они были родней братьев, естественно, сделал вид, что не услышал отказа, и продолжил:

– Глебушка, ты же понимаешь, я никому не могу это дело поручить. Ты лучший. Нет, ты единственный, кто может справиться.

По мере того, как Rogozin занимался «предварительными ласками», стремясь умаслить друга, на лице Глеба проступало поочередно недовольство, огорчение, возмущение, за которыми опытный физиогномист легко увидел бы облегчение.

– Да, друг, ты мне, конечно, подложил свинью, но отказать тебе я не могу. О компенсации мы поговорим позднее.

Такое быстрое согласие озадачило Rogozina, который подумал, что друг явно не в себе и нужно будет проверить обратную связь. Убедиться, правильно ли тот его понял – ведь просьба была явно не по его профилю. На всякий случай он переспросил:

– Так ты точно согласился? – и, получив положительный ответ, успокоился.

– Нинель, теперь ты понимаешь, я совершенно неудобный... партнер? – Глеб чуть было не произнес – муж и тут же прикусил язык. – Мне нужно бежать.

Нина возмущенно вскинула подбородок и приготовилась к обвинительной тираде, но мужчина предупредительно закрыл ей рот поцелуем.

И тут, будто озарение на него снизошло, и язык сам выдал очевидный вывод, не считаясь с неприятными последствиями, которые были обеспечены его хозяину.

– Ты видишь, я не могу лететь с тобой, не могу жениться на тебе. Я уже женат!

Нина едва не задохнулась от возмущения и обиды. Глаза ее гневно сверкнули, и она размахнулась, чтобы вlepить пощечину. Реакция Штольцева была безупречной – он перехватил ее руку и примирительно поцеловал тыльную сторону кисти. Затем предельно серьезно сказал:

– Я женат на работе и никогда ее не оставляю.

* * * * *

Примчавшись к Rogozinu, Глеб уже засомневался в том, что хуже женитьбы ничего быть не может.

– Хлебушек, ничего от тебя не требуется архисложного. Всего – навсего обеспечить безопасность одной молодой особы. Богатая наследница серьезного бизнесмена и невеста его партнера. Он-то и есть заказчик. Правда, заказчик суровый, судя по замашкам. И если с ее головы хоть один волос упадет... , ну ты знаешь эту формулировку. Главное, там не только если волос, но и посягательства. Барин ревнивый очень.

– А почему ты решил, что я самый безопасный? Я же не евнух!

– Объясняю – почему ты. Ты не падок на пионерок, да и Нинель лишит тебя репродуктивных способностей, если вдруг чего.

– Вдруг чего – это чего?

Rogozin горестно вздохнул, возвел очи горе, подчеркивая свое расстройство от необходимости объяснять прописные истины.

– Ты профессионал, к тому же морально – устойчивый. Тебя движениями бедер не увлечешь. А молодые могут губу раскатать, бдительность потерять, и не хочу думать, что будет...

– А от кого защищать – то нужно, так, чтобы я расклад сил представлял?

– От итальянской мафии.

– Да иди ты со своими шуточками!

– А я и не шучу. Брат, не до шуток. Я бы не стал подставлять тебя, но тут еще..., – Рогозин замялся, – личная просьба. С отцом барышни был знаком, когда он был еще адвокатом, я ему помог и забыл. А он не забыл. Когда моему отцу понадобились деньги на операцию, помнишь, ты уже дачу на продажу выставил – он узнал и выложил нужную сумму. Безвозмездно. Я бы сам взялся, но отдел не на кого бросить. Да, Глеб, если честно, ты же круче. Про тебя говорят, что ты пулю рукой ловишь. И дела есть на кого оставить. И потрянешь стариной.

Штольцев усмехнулся, если друг прибегает к такой откровенной лести, значит, действительно, надо.

– И что эта юная леди натворила? Потратила деньги наркокартеля?

Глава 2

Едва за Глебом закрылась дверь, Нина подскочила с кровати, как пружина. Разозленной кошкой она начала метаться по комнате. Суженные зрачки, гневно раздувающиеся ноздри, острые коготки, которые она, не замечая того, вонзала себе в ладони... Для полноты картины не хватало вздыбленного хвоста, нервно бьющегося из стороны в сторону.

«Женат он!!!» – эти слова рефреном звучали в ее голове.

Она хотела этого мужчину, хотела, чтобы этот вольный тигр ел с ее руки. За годы их знакомства градус отношений скакал от максимума холода к максимуму тепла, обжигающей страсти. Она была уверена, что уже детально изучила его и приручила, но каждый раз что-то неумолимо отдаляло от окончательной победы.

Да, и не так она себе представляла реакцию Глеба на свой подарок! Ну, естественно, мы не любим, чтоб за нас решали, мы не любим, чтоб на нас давили! А держать на коротком поводке, без обещаний и перспектив, мы любим!

Конечно, устроив разнос, она поставила их отношения на грань разрыва. С этим тигром нельзя использовать метод кнута и пряника, только пряники, вернее, не только пряники, а и другие виды сладостей.

Чуть погладил против шерсти, и он уже рычит. А тут она конкретно дернула за усы.

Нина нахмурилась. Недавняя сцена все еще стояла перед глазами.

Глеб примирительно поцеловал руку и потянулся за второй, намереваясь лаской сгладить остроту момента. Однако Нина вырвала ее и отодвинулась, гордо вскинув подбородок. Выбранная тактика оказалась не самой лучшей, как выяснилось впоследствии, но тогда она выглядела как единственно правильное решение, возможность раз и навсегда разрешить вопрос о ее роли в его жизни.

– Глеб! Как это прикажешь понимать?! Ты же сказал, что у тебя на работе нет ничего серьезного! Что ты свободен! И сейчас ты хватаешься за первое попавшееся предложение, лишь бы не лететь со мной?!

Глеб напрягся. Видно было слова попадали прямо в точку, и от того ему становилось неуютно, чувство стыда заставило опустить взгляд и попытаться ласками утихомирить эту волну праведного гнева. Но тут Нине, как говорят, шлея под хвост попала, и ее понесло. Пользуясь случаем, выпрыгивали на свет все обиды, все претензии, ранее тщательно скрываемые под непроницаемой улыбкой.

– Ты меня ни во что не ставишь! Ты меня не ценишь! Я для тебя пустое место! Просто удобный вариант! У тебя никогда на меня нет времени! Ты никогда не делаешь того, о чем я прошу! Ты черствый, неблагодарный фараон! Да если я только захочу, за мной толпы богатых поклонников выстроятся!

Штольцев дернулся, будто ему залепили пощечину. Не сказав ни слова, он встал, так же молча оделся, и только по заходившим желвакам можно было понять, насколько он взбешен.

Достав из барсетки связку ключей, он отстегнул один и, аккуратно положив его на стильный комод, процедил:

– Удачи! А я, как ты знаешь, не люблю стоять в очереди.

И, не оборачиваясь, вышел.

Конечно, они ссорились и раньше, но сейчас она задела его за живое. Он не любит стоять в очереди...

Много лет назад, когда нынешний brutальный Штольцев был безусым лейтенантиком, они начали встречаться. Случайно пролитый кофе положил начало трепетному роману. Юная Нинель, как называл ее исключительно Глеб, студентка экономического факультета, была очарована правильным, честным и искренним молодым человеком, идеалистом и борцом за

справедливость. Он представлял резкий контраст всем ее знакомым по институту, которые в уме складывали десятизначные цифры и присматривали себе девушек с приданым. Приданое Нины же заключалось в ее остром уме, смазливой мордашке и умении преподнести себя в лучшем виде.

И когда она, желая подразнить своего жениха, сказала, что ей оказывает недвусмысленные знаки внимания профессор, декан факультета, она получила совершенно неожиданную реакцию.

Вместо того, чтобы начать бороться за нее с удвоенным рвением, Глеб, как и сейчас, развернулся и ушел, сказав, что бросать перчатку пожилому человеку не спортивно. А терпеливо ждать, пока Нина придет на свидание после randevu с папиком, тоже в его представление об отношениях не вписывалось.

Нельзя сказать, что девушка сильно огорчилась. Машина, большая квартира, дача, солидное положение казались тогда более весомыми аргументами для того, чтобы не бежать вслед за романтичным Глебом.

Любовью сыт не будешь. И она довела ухаживания профессора до логического завершения в виде обручального кольца. Первое время была довольна, потому что блеск золота на безымянном пальце вызывал неприкрытую зависть у большей половины студенток.

Однако первоначальная эйфория от головокружительной постельной карьеры вскоре прошла, потому что воспоминания о поцелуях молодого, горячего мужчины заставляли все чаще критично рассматривать дряблый животик мужа.

И Нинель решила совместить полезное с приятным. Она стала искать встреч с Глебом под самыми благовидными предлогами, выглядела грустной, старательно намекая на гнетущую ее тайну. Пока однажды, со слезами на глазах не объявила ему, что это он виноват в ее незавидном положении.

– Глеб, неужели ты забыл меня? Ты же говорил, что любишь? Разве ты не понимаешь, что я вышла замуж от отчаяния. Своим поступком ты показал, что не любишь меня. А я была горда и не побежала за тобой, – Нина с неподражаемой дрожью в голосе словно исповедовалась перед ним. Темно-карие, почти черные очи в обрамлении густых ресниц, как редкие черные бриллианты, сверкали в огранке слезинок. Положив руки ему на грудь, она приблизила лицо на расстояние поцелуя. Ее горячее дыхание опаляло и заставляло мужчину судорожно сглатывать слюну, нервно сжимать кулаки, отчаянно борясь с желанием заключить ее в объятия и овладеть ею чуть ли не на месте. Однако тело не было гегемоном, поэтому он нашел в себе силы отстраниться и глухо сказать:

– Если я правильно тебя понял, ты предлагаешь мне пользоваться обедками с барского стола?

Нина хотела взорваться, услышав, что ее сравнивают с обедками, но тут же взяла себя в руки и, опустив взор, выдержав мхатовскую паузу, тихо ответила:

– Прости, я была моложе и глупей. Я поступила, как в поговорке «Назло маме отморожу уши». Сразу же поняла, что совершила роковую ошибку, но было слишком поздно. Я хочу лишь иногда встречаться с тобой, говорить с тобой, держать тебя за руку. На большее я не смею рассчитывать.

Льдинки в глазах Штольцева не исчезли, но сердце начало оттаивать.

– Нинель... Нина, – поправился он, спохватившись. – Я так не могу. Ты чужая жена, и поэтому не может быть и речи о встречах. Я не смогу делить тебя. Это унижительно.

Он развернулся и собрался уходить.

– Ради тебя я разведусь! – твердо сказала Нина и с удовлетворением увидела блеснувшие искорки радости на лице Глеба. – Я разведусь, потому что не могу без тебя.

И она развелась довольно скоро, на некоторое время привязав Глеба к себе стальным канатом чувства вины – ведь он уверовал, что действительно не оставил ей выбора, уйдя из ее жизни тогда и сейчас разрушая ее брак.

Он и не подозревал, что на самом деле, только подтолкнул Нину к тому, чего она уже страстно хотела. Пообещав приятельнице вознаграждение за попытку соблазнения мужа, она, как по нотам, разыграла оскорбленное достоинство. Застигнутый врасплох в кабинете с девицей, которая пришла якобы по делу, но вместо дела стащила с себя платье, тот был убит чувством вины. Поэтому даже не сопротивлялся, когда жена потребовала развод и раздел имущества....

Сейчас эта история словно в презентации яркими кадрами всплывала в ее памяти. Нужно срочно принимать меры, потому что Штольцев слов на ветер не бросает. Пока он не окунулся по уши в новое дело, необходимо его вернуть и желательно снова с чувством вины.

Она потянулась к полке, где стояла недавно купленная для общего развития книга Литвака, непревзойденного гуру манипуляции. Пролистывая страницу за страницей, она лихорадочно искала ключ управления Глебом.

О! Вот оно! Амортизационные письма!

Они позволяют вернуть любимого, друга, партнера, сыграв на тонких струнах его эгоизма собственную мелодию.

Так... с чего начинается? «Ты правильно сделал, что ушел/накричал/побил меня». Нина карандашом подчеркнула нужные строки. Конечно, правильно! Каждый человек хочет быть правым – а мы и не спорим... «Дальше подтверждаем эту правильность поступка перечислением негативных качеств пишущего. Тем самым идет соглашение автора письма с поступками адресата». Конечно – она эгоистичная, навязчивая... – но все это от безмерной любви.

И ключевое – «Пишу тебе не для того, чтобы ты вернулся, а поблагодарить...» за счастье, за прекрасные минуты, за рекомендации, за то, что старался сделать как лучше и т.д. Человека ни к чему не обязывают, но подчеркивают его значимость».

«Время лечит, но пока мне трудно без тебя». Слово «пока» является ключевым, так как говорит о том, что нынешнее состояние имеет временную характеристику. Перечисляем то, как именно адресат будет помогать автору письма отвыкать от него: «не будем видеться», «будем общаться лишь по рабочим вопросам» и т.д. И заключительная просьба в виде: «Скажи мне, пожалуйста, какие качества мне нужно в себе развить и от каких избавиться, чтобы в будущем понравиться такому мужчине/женщине/человеку, как ты».

Эту часть Нина решительно отвергла, ибо она акцентирует внимание на том, что в дальнейшем такого человека, как адресат, будут любить и ценить. Это с Глебом не пройдет – здесь нужно подчеркнуть, что никто и никогда его не сможет заменить.

И через полчаса трогательное письмо с признанием собственных недостатков, появившихся исключительно от любви к такому мужественному, честному и правильному мужчине, с благодарностью за месяцы счастья, кажущиеся теперь мгновениями, и отказом от всяких претензий было готово. Желательно, конечно, было бы его написать на бумаге и отвезти Глебу на квартиру, благо ключ имелся. Но, видать, у него дело срочное, а если еще и связанное с командировкой, то неизвестно, когда он там появится. Поэтому Нина решила действовать по принципу «Куй железо, не отходя от кассы» и отправила ему проникновенную смс-ку.

– Ничего не знаю, – ответил Rogozin на вопрос друга, наливая в рюмки коньяк – лучшее средство снять ненужное беспокойство, а то и расстройство. – Глеб, даже если она кого-то убила, я прошу тебя, не откажи. Они прилетают завтра. Заказчик, как пуганая ворона, которая куста боится, по телефону не стал называть аэропорт, обозначил только, что утром. Потом перезвонит. Встретишь на такси, чтоб свою машину не светить, и отвезешь барышню

в Кинешму. Помнишь, там есть секретная квартира на окраине, Волга рядом. Так что совместишь полезное с приятным.

Они выпили еще по одной, закусив прозрачными яркими дольками лимона. Глеб откинулся на спинку стула. Злость от ссоры с Ниной немного потеряла свою остроту. И черт с ней! Пусть со своей очередью разбирается.

Друзьям нечасто удавалось посидеть вдвоем, поговорить «за жизнь». И теперь, втавив друга в неизвестную авантюру, Rogozin получил возможность немного побыть в его обществе.

Однако не тут-то было. Взыла сирена, возвестившая, что на телефон Глеба пришла смска. Огражденный от получения всяких рассылок и рекламных сообщений, он мог быть уверен, что это что-то важное.

Нина. Штольцев сердито сузил глаза и убрал телефон.

– Вы что, поругались? – Rogozin обычно не лез в душу, но сейчас душевное равновесие друга было гарантом успеха мероприятия.

Не желая развивать эту тему, Глеб предложил выпить еще.

– Ну, ты хоть посмотри, что написала-то. Может, уже женишься? Что ж мне одному такой крест тащить? – говоря это, Rogozin сильно лукавил. Его жена была тихой надежной гаванью.

Раздраемый противоречивыми чувствами, Глеб все-таки снова достал телефон.

«Дорогой мой и единственный Штольцев!

Прости мою навязчивость, прости мою нетерпеливость, но я всего лишь женщина. Женщина, которая живет тобой, дышит тобой, счастлива от одной лишь мысли, что иногда может обнять тебя, поцеловать, подарить свою любовь.

Я понимаю, что тебе есть за что меня упрекнуть. Но ты этого не делаешь, ты великодушен. Ты настоящий мужчина, которых так мало. Я восхищаюсь тобой, твоей мужественностью и преданным служением делу.

Ты любишь свободу, я не буду больше посягать на нее, обещаю. Мне, конечно, очень жаль, что более близкие отношения ты считаешь клеткой. Но это твое право. Я буду благодарна за то время, которое ты сможешь мне уделить, как я благодарю Бога за каждый миг, проведенный с тобой.

Я пойму и не буду держать на тебя зла, если ты окончательно оставишь меня. Поступай так, как считаешь нужным. Ни слова упрека от меня ты не услышишь.

Навеки твоя Нинель».

На лице Штольцева, как он ни старался скрыть, появилось торжествующее выражение. И хотя этот Везувий в юбке, бывало, доводил его до белого каления, но жизнь скучной точно не казалась. Немного посидев, он подумал, что сам виноват в ссоре. Она приготовила сюрприз, хотела порадовать его, а он, как неблагодарная свинья, чуть ли не в открытую выказал свое пренебрежение. Может, правда, мы не замечаем счастье, как и здоровье, пока оно есть? Сколько мужиков хотели бы оказаться на его месте?

Все еще хмурясь, он набрал номер Нины.

– Если хочешь, я приеду, и мы договорим.

– Давай через полтора часа, – счастливым колокольчиком прозвенела радость в голосе Нины.

И когда через указанное время Глеб появился у нее в квартире, его ждал изысканный стол с божественно пахнущей рыбой под белым соусом, фрукты, салат из морепродуктов и редкое бургундское «Мерсо».

Глава 3

Штольцев расплатился с таксистом и вошел в здание аэровокзала. Встречающих было не так много, поэтому особо мозолить глаза не хотелось. Однако и проблем меньше. Все на виду, сразу понятно, кто по какому делу. Подозрительных не было. Сейчас Рогозин пришлет портрет барышни, которую придется охранять от еще неизвестно чего. Какой-то тайны там наворотили.

Завибрировал телефон в кармане, сирену – чтоб служба охраны не скрутила как террориста – он предусмотрительно отключил. Глянув на экран, Глеб остолбенел: ну совсем Европа рехнулась! На него серьезно, по крайней мере, видно, что пытался/лась, смотрел/а? чисто рязанская физиономия. С русыми курчавыми волосами, пшеничными усами и носом картошкой.

«Неужели я вчера столько выпил?» – с головой вроде все в порядке, однако весь день в деталях, как он обычно легко мог сделать, сейчас вспомнить не удавалось. До прибытия рейса из Милана еще двадцать минут. Нужно найти кофе и поставить мозги на место.

Или Рогозин не ту фотку отправил, или... решил поиздеваться?!

– Сан Саныч! Ты что, сканируешь мои датчики терпения? Мало того, что втравил меня в эту авантюру, даже не дав времени осознать всю ее пакостную сторону, так ты еще и глумиться вздумал?! – прорычал Глеб в трубку и отключился.

Он мысленно схватился за голову, в которой непроизвольно филигранно выстроилась целая тирада из дословно непереводаемых на другие языки образных выражений. Замыкало эту стройную цепочку название собаки женского пола. Причем, произнесенное про себя не один раз. Он понял, что вчера был реванш за Первое апреля! Они с незапамятных времен в этот день соревновались, кто круче. Затем изменили условия, и потерпевший имел право использовать свой «выстрел» в любое время. (Но по уговору – сверившись с рабочим графиком).

Глеб устроил фееричный розыгрыш. Накануне дня Икс поменял у Рогозина в телефоне свое имя на имя давнего их приятеля, журналиста Валеры Коржова. И с утра отправил смс-ку: «Сан Саныч! Я искренне надеюсь, что факт имеет какое-то другое объяснение, но Ваша жена зашла только что с мужчиной в номер 95, Вега – Измайлово». Рогозин позеленел, кровью глаза налились, и он ринулся в бой. Подозревать Наталью в измене – это было последнее, что он мог подумать. Но не верить Коржову тоже не мог. Загипнотизировали, угрожали, похитили?! Куча вопросов пыталась структурироваться в его голове. Глеб, с самым серьезным лицом, рисковал разрывом сосудов – так много ему приходилось прикладывать усилий, чтоб не выдать себя.

Видя, что Рогозин возбужден, как уголовное дело, Штольцев отобрал у него ключи от машины.

– Поедем вместе.

И когда разъяренный друг приготовился высаживать плечом дверь, Глеб, предварительно добытым у портье электронным ключом, открыл дверь.

Там ждал накрытый стол и Наталья в новом платье.

Естественно, прежде, чем Рогозин успел понять, что его честная жена оказалась в заговоре с противником, Глеб уже семимильными скачками неся прочь от греха подальше.

Вот и настал час расплаты. И такой тупой розыгрыш в ответ.

Он снова набрал номер и прорычал:

– Рогозин! По-моему был уговор шутить в пределах разумного! Я тебя убью!!!

– Пупок развяжется! Чего кипятишься?! Глебушка! Честное слово тебе и штаны с лампами в придачу! И не думал глумиться! Это конспираторы прислали фото сопровождающего, а барышню они замаскировали так, чтоб и мама родная не узнала.

Глеб отключился. Можно теперь смело считать, что в ежегодном турнире розыгрышей он потерпел поражение. По факту это был автогол.

Эта мысль не прибавила ему радости на душе, как и осознание всех масштабов катастрофы. Ему предстояло находиться бок о бок с богатенькой, наверняка избалованной девицей практически месяц. Заказывать еду из ресторана, нанимать уборщицу, чтоб убиралась – и... сколько раз в день они привыкли мыться? Ведь ванная там одна! Выгуливать ее, чтоб кислородного голодания не приключилось. Штольцев, хорошо так разменяв четвертый десяток, только сейчас понял, что значит фразеологизм – голова идет кругом.

Он поймал себя на трусливой мысли, что это ему за Нину наказание. Не захотел жить на одной территории с привычной, в общем-то, достойной женщиной... Стоп. Или захотел и не помнит?!

Но напрягать память, чтоб восстановить целостную картину, ему не пришлось, так как внимание переключилось на человеческий ручеек, начавший вытекать из зоны прилета.

Наметанный глаз сразу выхватил нужную парочку. Ничего нового в облике провожатого он не увидел, а при виде той, которую ему придется охранять, его сердце болезненно сжалось.

Определенно, в его жизни началась черная полоса. Он поспешил навстречу итальянским гостям, честно пытаясь изобразить радость на лице. На тот пожарный случай, если мафия уже выслала свой ночной дозор. Просто увиделись родные люди!

Приблизившись, он обнял их обоих за плечи и прошипел яростно:

– В какую сумасшедшую голову пришло так замаскироваться? Улыбаемся и за мной след в след.

Вычислив самого алчного таксиста, который мог быть засланным казачком прибывших примерно на одну тысячную процента, он его и зафрахтовал.

Усадив парочку на заднее сиденье, Глеб едва не забыл указать направление. Вид барышни его ошаршил. Длинная серая юбка в складку, бесформенный коричневый свитер, серая косынка на голове, повязанная на манер банданы, и огромные очки, похоже без диоптрий. Ну конечно, вот точно никто не обратил бы внимания на такую серую мышку, которая ни разу не выделялась из толпы своей несуразностью.

– Мы приехали! – неожиданно сказал Штольцев водителю, когда они подъезжали к торговому центру.

– А вы же другой адрес называли? – недовольно отреагировал тот, понимая, что часть заработка уплывает, как парусник, подгоняемый ветром непредсказуемости клиента.

– Возьмите, сдача пусть идет в счет компенсации за изменение планов, – Глеб расплатился с таксистом и скомандовал:

– Выходим, господа интуристы, и следуем за мной.

Достав из кармана брелок, он нажал кнопку. Серебристый «Ниссан» приветливо моргнул. Распахнув двери, он жестом пригласил грузиться, взял небольшой чемодан барышни и положил его в багажник.

«Интуристы» послушно усадились на заднее сиденье в ожидании дальнейших указаний. Глеб развернулся лицом к пассажирам и произнес:

– Давайте знакомиться. Штольцев. Глеб Платонович.

– Анна Викторовна, – представилась девушка и добавила, словно сомневаясь в правильности своих слов, – Градова.

– Антонио Скоробини, – на чистом русском произнес юноша.

Не успела бровь сыщика взлететь вверх от такой вычурности, как молодой человек поспешил прояснить ситуацию, однако соблюдая необходимую, по его мнению, долю церемонности.

– Я бипатрид. Мама у меня русская, вышла замуж за итальянца, и у меня двойное гражданство.

– Очень познавательная информация, но меня интересует на данный момент другое. – Глеб продолжил, обращаясь к девушке. – Кто вас так надоумил одеться? Верх – рокерша, низ

– монашка, середина нет слов! Вы что, этот свитер у бомжей на распродаже купили?! Мы с вами не в поле кукурузном, чтоб ворон пугать.

Девушка вспыхнула, но мгновенно взяла себя в руки:

– Вам, кажется, деньги платят за мою безопасность. И вы не Эвелина Хромченко, а я не на программе «Снимите это немедленно», поэтому замечания в таком тоне я считаю элементарным проявлением невоспитанности.

Тут Штольцев уже собирался ответить этой итальянской барыньке соответственно ситуации, но все же погасил свой костер злословия.

Он осознавал, что ведет себя, как мент, переполненный чувством превосходства по отношению к гражданским. И в последнее время часто ловил себя на мысли, что род деятельности все-таки начинает накладывать свой отпечаток.

То, что он так ненавидел в бывших коллегах, сейчас раздражающе липло к нему. Хотя, может, некой развязностью многие прикрывали ранимую душу и под маской бравады прятали боль от одиночества, загнанности в рамки дурацких приказов типа «стой там, иди сюда», необходимости выражаться на протокольном эсперанто, порой забывая человеческий. «Телесные повреждения получены по месту жительства на помойке», «Со слов освидетельствуемой, при падении ударились головой о землю. Заключение: ушиб мягких тканей левой ягодицы», «Он был задержан за то, что идя по улице, нецензурно удивлялся ширине впереди идущей женщины...» и тому подобные перлы.

Перейдя в частный сыск, Штольцев, наконец, избавился от необходимости писать ерунду и еще от огромной массы других прелестей. И мог уже вздохнуть свободно. Всех своих подчиненных приучил вести себя предельно корректно. А себе позволял дурачиться только с Рогозиным.

Сейчас он ловил себя на мысли, что его безумно раздражает полученное практически комсомольское задание «Если не я, то кто же?!» Поэтому он напомнил себе, что он профессионал. И на службе в полиции не позволял себе проявлять некорректность. Он выдохнул. Сосчитал до десяти. И нейтральным голосом ответил.

– Моя задача – обеспечивать вашу безопасность. Ваша задача – не привлекать к себе внимание. У вас есть обычные вещи? Просто джинсы, просто свитер или водолазка. Очки можете оставить. Если нет, пойдем сейчас купим.

– У меня есть, только достаньте мой чемодан, – сдержанно ответила девушка.

Штольцев скрипнул зубами. Начались трудовые будни... Чемодан подай, потом чего-нибудь принеси.

После того, как нужные вещи были найдены, Глеб скомандовал:

– Выходим. Вы, Анна Викторовна, в дамскую комнату. Я закажу кофе и буду ждать вас с – Штольцев запнулся. Это уже было выше его сил. Как этого юношу со взором горящим – то называть?! Синьор Антонио? Сразу вспомнились слова богатырского коня Юлия: «Не смешите мои подковы!» К девушке понятно – синьорина, дама – синьора, мужчина – синьор. А молодого человека – синьорин? Синьоретто – никоретто, тьфу! – С вашим сопровождающим в кафетерии, – вышел он из положения.

Анна молча кивнула.

Глеб не успел выпить и чашечку бодрящего напитка, как взор его выхватил из толпы что-то нереальное. Мимо витрин... манекенов... фотографий актрис... Голос Барыкина вдруг ни с того ни с сего зазвучал в голове, будто из динамиков... незнакомка ...

Девушка, словно прекрасное видение, не шла, а, кажется, скользила по сверкающему полу. Она была похожа... Прочно теперь засевшая мелодия старого хита не давала возможности дооформить мысль. Невероятная грация, легкость поражали воображение. И только когда она направилась к их столику, Штольцев чуть не хлопнул себя по лбу. Это ж его подопечная, сбросив с себя хламиды, явила миру точеную фигурку. Голубые джинсы обтягивали стройные

ноги, а черная водолазка подчеркивала тонкую талию. Под унылой косынкой скрывались роскошные волосы, забранные в высокий хвост. И хотя, точно следуя указаниям Штольцева, она оставила в качестве маскировки очки, они не могли спрятать нежную красоту лица. Метаморфоза была столь неожиданной, что старый сыщик, по его собственному выражению, едва не раскрыл рот.

Гадкий утенок превратился в прекрасного лебедя.

«Ага, вот и Андерсена вспомнили. Штольцев, а что это у нас за литературно-музыкальная гостиная?» – одернул он сам себя. Однако последняя мысль, не относящаяся к делу, все-таки упрямо пробралась сквозь рационализм и скептицизм. Непонятно почему, Глеб быстро окинул взором присутствующих – что-то похожее на ревность промелькнуло в душе. Он подумал, что такой красотой хотел бы любоваться один. Не делись ни с кем.

Сейчас он пожалел, что велел переодеться. В таком виде девушка привлекала намного больше внимания, чем в тех одеждах. Пусть хоть очки не снимает. Потому что они немного скрывают магнетизм синих глаз-озер. «Все-все! На сегодня с поэтикой покончено!» – пообещал он сам себе.

– Вас в самолете хорошо кормили или что-нибудь заказать?– обрета пошатнувшееся было душевное равновесие, сухо, по-деловому, спросил Глеб.

– Я не голодна, – ответила Анна. – Тоник, поддержи пакет, я в аптеку зайду, мне пластырь нужен, – тепло обратилась она к своему спутнику.

– Анна Викторовна! Давайте я буду принимать решения, куда вы зайдете!– почему-то разозлившись на это милое «Тоник», одернул Глеб девушку.

Анна метнула на него чудную синюю молнию своего взора, но, тем не менее, ответила сдержанно:

– Хорошо, вы будете решать, куда мне пойти, а я все же буду решать, что мне нужно.

И на лице ее промелькнуло какое-то неуловимо радостное изумление, которое тут же сменилось прохладной вежливостью.

Но как бы мимолетно ни было это выражение, Штольцев его заметил. Интересно, что это значило? Барышне нравится показывать свою независимость? Так никто ни на что не посягает... Хотя эта скользнувшая мимолетная искорка радости очень ей шла. У Глеба даже слегка потеплело на душе. А как же выглядит ее полноценная улыбка?

Непроизвольно всплыла цитата Ремарка: «Она улыбнулась, и мне показалось, что весь мир стал светлее».

И тут же одернул себя, не хватало еще начать думать о том, что развеселило барыньку. И снова Штольцев, вопреки визгам здравого смысла, вернулся к персоне подопечной. Знакомы они от силы пару часов, а он уже размышляет о ней. Хотя в его функционал это явно не входит. Ее внутренний мир, барынька она или нет, чему улыбается и пр, точно не должны его волновать. Она как картина, просто охраняемый объект. Все.

Глеб выдохнул. Поскольку пассажиров он загрузил на заднее сидение, зрительный контакт приходилось поддерживать через зеркало.

– Итак, будьте любезны, введите меня, пожалуйста, в курс дела. От кого мы прячемся и какова степень опасности. Что вы, милейшая барышня, натворили? Искренне надеюсь, что мне придется не убийцу защищать! – опять в его речи засветились покровительственно-снисходительные нотки.

Штольцев бросил вопросительный взгляд на девушку. Та, видно устав таскать на носу ненужную конструкцию, водрузила очки на голову на манер обруча. И сейчас в ее глазах, не защищенных льдинками стекол, снова на долю секунды колыхнулась растерянность. Но, как и раньше, она мгновенно взяла себя в руки и, посмотрев на спутника, словно пытаясь найти у него поддержку, твердо сказала:

– Я не могу вам этого сказать.

Штольцев был не то что разгневан, скорее просто удивлен до крайности. Его идеально в плане логики функционирующий мозг не смог обработать информацию и буквально завис между принятием решения: 1) наорать, 2) посадить на ближайшей остановке, 3) поинтересоваться психическим здоровьем, 4) другое.

Подавив желание осуществить два первых пункта, он вынудил себя остановиться на симбиозе третьего и четвертого. И холодно, с изрядной долей сарказма он продолжил так странно начавшийся диалог:

– А позвольте поинтересоваться, вы отдаете себе отчет о нелепости своего заявления? Я отвечаю за вашу безопасность и должен знать, от чего и от кого я вас защищаю. И соответственно, должен выработать стратегию. Поэтому повторяю вопрос: от кого прячемся и по какой причине. Поверьте, ваш моральный облик меня не интересует. Я обещал выполнить работу и я это сделаю. Это не тот случай, когда во **многoй** мудрости **много** печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

Видно было, что тон Глеба задел девушку, но она снова упрямо повторила:

– Я не могу ответить на этот вопрос, – и словно желая «отблагодарить» взаимностью на язвительность, добавила. – И неожиданно было услышать из уст полицейского цитату Соломона.

Штольцев вцепился в руль: пункты 1 и 2, словно подпрыгивая от нетерпения, просили их реализовать. И чтобы хоть в какой-то степени это сделать, он медленно съехал на обочину. Кипя от негодования, он все же смог предельно вежливо продолжить:

– Я задал элементарный вопрос, который предполагает такой же ответ. Может, я вас снова удивлю, но могу привести еще одну цитату. Если вам имя Остапа Бендера о чем-то говорит: «Командовать парадом буду я». Это я просто напоминаю о своем статусе.

Анна, по холодному бешенству, которое открыто читалось во взгляде Штольцева, в его медленной и нарочито негромкой речи, поняла, что глубоко оскорбила своего телохранителя. Поэтому ответила слегка дрогнувшим голосом:

– Я обещала об этом никому не говорить. И простите за Соломона.

От неожиданности Штольцев чуть не потерял дар речи:

– А вы что, из партизанского отряда? Кому вы обещали?

Анна замялась, словно испытывая некоторую неловкость.

– Кирилл велел соблюдать меры предосторожности и ничего не говорить, чтобы не было утечки информации.

– Это кто еще? – подозрительно спросил Глеб, всерьез задумавшись – а не тайные какие-нибудь иллюминаты, мать их, массоны подкинули сюда это чудо?

– Мой жених, – с едва уловимым напряжением в голосе подвела логическую черту странному разговору Анна.

Глава 4

От этих слов Штольцева едва не бросило в жар. Желваки заходили, лоб прочертила морщина, возвестившая о неожиданных неполадках нервной системы.

Он отвернулся, зачем-то полез в бардачок; попались на глаза сигареты, с которыми пути разошлись месяца как три уже. Но руки сами потянулись к ним, очевидно, соображая быстрее, чем голова. Таким образом, появилась оправданная пауза, во время которой можно было попытаться понять, что не так.

Не желая ронять свой статус хозяина положения, руководителя операции вопросом «А можно ли мне закурить?», он вышел из машины. Потому что ничье разрешение ему не нужно. Он усмехнулся: прямо как в рекламе: «А если сказал, к теще, значит, к теще!». Захотел покурить и выйти из машины – захотел и вышел. Он и только он принимает решения!

И какое же решение нужно принять сейчас? Первое – запретить себе проявлять эмоции в отношении этой барышни. Но для этого нужно разобраться – почему он так взбесился.

Первое, что лежало прямо на поверхности – это чудовищно нелогичное поведение. Обращаемся за помощью и отказываемся сотрудничать.

Второе, конечно, уязвленное самолюбие. Он привык, что его слово всегда имело статус вердикта, и никогда не было по-другому. А здесь обещание, данное какому-то Кириллу, оказывается сильнее здравого смысла, его авторитет как профессионала ставится под сомнение.

И третье, в чем Глеб не хотел себе признаться – это раздражение от самого факта наличия жениха. Он осознал, что почему-то ему было бы комфортней, если бы никакого Кирилла не наблюдалось на горизонте вообще. В жадности или в зависти он не мог себя уличить, поэтому на душе и стало так неуютно. Все непонятное напрягает. Еще пара глубоких затяжек и минута размышления выдали неприглядную правду.

В его подопечной, как безопасно он называл Анну, была какая-то тайна, загадка. Под маской светского вежливого безразличия он считывал прорывающиеся в ней на считанные секунды озорство, искренность. И ему просто хотелось защитить вот то, скрывающееся от всех, и, кажется, от нее самой, живое создание.

И тут же он вспомнил, что ее острый язычок заставил его изрядно позлиться, что если и есть в ней нуждающаяся в защите тонкая и нежная составляющая, то уж о ней позаботится ее жених.

И собравшись с мыслями, разложив по полочкам весь свой несанкционированный раздрай, он вернулся в машину.

– Я так понимаю, что вы, Анна Викторовна, привыкли выполнять обещания. Так пообещайте мне выполнять все мои указания. А если не хотите говорить, то я не буду настаивать. В конце концов, буду считать, что охраняю неодушевленный объект – например, картину. Так что вообще можете молчать. Теперь с вами, молодой человек, – обратился Штольцев к Антонио, – вы должны понять, что охрана таких ..., – он помедлил, подбирая нейтрально-колкое слово – необычных арт-объектов не входит в мои планы.

Антонио, или Тоник, как называла его Анна, вспыхнул до корней волос.

– Глеб Платоныч! Зря вы так саркастически изволили выразиться. Я, между прочим, служу в полиции. И в охране не нуждаюсь.

– Замечательно, тогда подскажите, что вы намерены делать дальше?

– Антон должен меня сопровождать. Он специально отпуск взял, – Анна не удержалась от возмущенной реплики.

Глеб метнул на нее гневный взгляд, сосчитал до пяти, больше не хватило выдержки, и язвительно произнес:

– Кто-то, как мне помнится, не возражал против обета молчания!

– Как вам будет угодно, – ответила девушка и демонстративно отвернулась.

– Я думал, моя помощь вам пригодится, – молодой человек был явно растерян. – Я же должен Анну обратно сопроводить, когда можно будет вернуться...

– Знаете ли, любезный, Анна Викторовна своими тайнами меня уже порядком раздосадовала. А вы, по странному стечению обстоятельств, будучи полицейским, ее причудам потворствуете. Тогда и я, руководствуясь исключительно соображениями конфиденциальности, довожу до вашего сведения, что о нашем местонахождении, будут знать только трое. Вы, господин интерполовец, в их число не включены. Вам есть, где остановиться в Москве?

– Да, у меня здесь бабушка.

– Так вот и отправляйтесь к ...бабушке. А когда заказчик с нами свяжется, тогда я с превеликим удовольствием передам вам Анну Викторовну с рук на руки. Контакты оставьте, пожалуйста, – с этими словами Глеб передал блокнот с ручкой спутнику Анны, давая понять, что больше не видит причин поддерживать диалог.

Затем, притормозив у остановки, выразительно посмотрел на лишнего, по его выражению пассажира.

Бравый «интерполовец», откликнувшийся, как оказалось, на имя Антон, озадаченно посмотрел вслед удалявшейся машине. С одной стороны, он был чрезвычайно оскорблен язвительным тоном Штольцева, но с другой, он понимал, что, тот прав. Пара – мужчина и девушка привлекают меньше внимания, чем несвятая троица. Да и Анна, конечно, разозлила Глеба Платоныча. Он же наверняка привык распоряжаться, а тут столько лишнего текста прозвучало. Как бы то ни было, ему пришлось смириться со скамейкой запасных.

А Штольцев со своей пассажиркой – подопечной отправились дальше.

Ездить в тишине Глеб любил. За рулем он словно перезагружался. Весь мир сжимался до размеров уютного салона, защищающего от информации, ненужного общения и прочих благ общества. Он даже редко включал музыку, предпочитая давать простор мыслям.

Однако сейчас тишина была, что называется гнетущей. Не естественной, так трепетно ценимой, а именно напряженной. Глеб затылком чувствовал сверлящий взгляд пассажирки. Может, он где и перегнул с язвительностью, но он в такой ситуации оказался впервые. Да, определенно день не задался.

И сколько их еще предстоит пережить?! Чтобы как-то отвлечься, он включил музыку. И великая сила искусства, хоть и загнанного в тесные рамки коробочки на приборной панели и растерявшего от этого значимую долю чистоты, помогла вернуть нормальное расположение духа.

Проехав примерно около трех часов по довольно пустынному шоссе, он притормозил на обочине. Нужно было размяться и передохнуть. Убедившись, что их остановка никого не заинтересовала, он скомандовал, вынимая ключ зажигания:

– Выходите. Техническая остановка. Девочки направо, мальчики налево. У вас три минуты.

Глеб перешел дорогу, на ходу вытаскивая сигарету из пачки. Надо же! С таким трудом завоеванное достижение коту под хвост!

Вернувшись к машине, он посмотрел на часы. Отпущенные три минуты уже утекли, прихватив за собой еще две. Штольцев обеспокоенно шагнул в сторону лесополосы. Сердце тревожно забилося. Засада в лице мафии здесь не могла присутствовать по определению. Машин, стоявших у обочины, не было, между ближайшими населенными пунктами семьдесят километров. Так что даже для маньяков это расстояние великовато. В посадке явно не водятся дикие звери. Не мог же он пойти вместе с ней!

Вглядываясь между деревьями, он уже вынашивал планы жестоких репрессивных мероприятий.

– Анна Викторовна! Анна!

Ответом была леденящая душу тишина...

– Анна Викторовна! – уже не сдерживаясь, ринулся он на поиски.

Едва не теряя голову от беспокойства, он метался между деревьями и кустами. Затем подумал, что может зря он углубился и вернулся к началу посадки. Отойдя чуть в сторону, он выдохнул: пропажа сидела под деревом, поджав одну ногу под себя, а другую вытянув.

– Анна Викторовна! Вы вообще в своем уме? Вы чего тут расселись? Хотите, чтоб я из вас потом муравейник вытряхивал?

Девушка повернула к нему голову. Правый уголок нижней губы был закушен до побеления, в глазах застыли боль и отчаяние. Однако в целом выражение лица не потеряло упрямства.

Непроизвольно она спрятала руку за спину.

– Вы что там, поганку прячете, надеетесь незаметно мне в суп подложить? Не выйдет! Вставайте немедленно!

Он уже собрался рывком поднять ее за руки, как понял, что она от него по-детски пыталась скрыть: предплечье разодрано было в кровь.

– Вставайте, в машине я обработаю вашу рану, – произнес Глеб намеренно сурово, без излишних сантиментов. Он повернулся и шагнул по направлению к дороге. Хотя в душе колыхнулось сочувствие. Ну, глупенькая! Поранилась и наверняка думала, он будет орать и, как ребенок, спряталась от наказания.

Шагнуть – то шагнул, однако краем глаза все-таки посмотрел, как выполняется его команда.

Анна неловко, с выражением страдания на лице, встала. Но былая грация и легкость куда-то исчезли. Она практически ковыляла, едва ступая на правую ногу.

Резко обернувшись, Штольцев еще успел поймать на лице девушки гримасу боли, которая тут же исчезла, сменившись бесстрастным выражением.

– Что у вас с ногой? – он подозрительно уставился на Анну, которая не торопилась с ответом. – Вы что, глухая? А, черт, как я сразу не понял? Вы из психушки сбежали, куда вас по решению суда поместили!

Слезы злости и боли уже готовы были пролиться из глаз девушки, но, судя по всему, она была крепким орешком.

– Я не психичка! Просто вы ясно дали понять, что слышать меня не желаете. И я обещала, что буду выполнять ваши требования, – ноздри ее раздувались, частое дыхание и слегка покрасневшая кожа без слов говорили о крайней степени ее волнения.

Штольцеву стало немного стыдно, поэтому он не сразу нашел нужные слова.

– Что у вас с ногой? – на этот раз в вопросе прозвучала примирительная интонация.

– Не знаю, я просто упала.

– Анна Викторовна! – предостерегающе чуть не зарычал Глеб. – Может, заранее огласите список своих недугов, чтобы я знал, к чему быть готовым. Что у вас голова кружится или ноги заплетаются? Эпилепсия, что ли?

– Я хотела пройти по бревнышку, а там мох скользкий оказался, я спрыгнула, но нога попала в ямку, прикрытую листьями.

– А вот без бревнышка, что, совсем никак нельзя было обойтись? – снисходительно, пряча сочувственную улыбку, опять укорил Глеб.

– А вот без издевательств, что, совсем нельзя никак обойтись? – в тон ему парировала Анна.

– Садитесь уже, гляну вашу конечность, – слегка пристыженный Глеб сделал вид, что не заметил ответной колкости.

Поддерживая ее за руку, он помог ей устроиться возле дерева. Присев на корточки, Штольцев взялся за лодыжку девушки. Аккуратно повернул влево, вправо.

– Сами пошевелить можете?

Анна утвердительно кивнула.

– Надо бы, конечно, сделать рентген, но, я думаю, что здесь вывих. Мне приходилось сталкиваться с такими вещами. Доверяете мне свою ногу?

– А у меня есть выбор? Я понимаю, что лучше не светиться в больнице, они ведь должны будут историю заводить и все такое. Если сможете, давайте лучше вы.

– Тогда терпите. На счет три. Раз. Два. Три. – Штольцев, как заправский костоправ, сильно и аккуратно дернул за ступню, внутренне сжавшись в ожидании крика. Однако Анна не издала ни звука, лишь в глазах колыхнулся ответ боли.

Глеб поразился стойкости этой хрупкой живой статуэтки. Но, не желая показывать свои эмоции, молча подхватил ее на руки.

– Держите меня за шею, – словно инструкцию по эксплуатации ездового механизма, бесстрастно озвучил он оптимальный способ транспортировки.

Аккуратно перешагивая через ветки, он с замиранием сердца чувствовал на своей шее нежные руки. И от этого ощущения вся его суровость и бесстрастность уже готовы были позорно капитулировать, уступив место какому-то юношескому восторгу.

Глава 5

Усадив Анну боком на пассажирское кресло, Глеб достал аптечку. Хорошо, что он был законопослушным водителем, у которого там было все, что нужно. Был и эластичный бинт, которым новоявленный эскулап аккуратно зафиксировал пострадавший голеностоп девушки. Расцарапанная рука тоже получила довольно квалифицированную помощь, сопровождаемую нравоучительным бубнежом лекаря.

Штольцев не смог отказать себе в удовольствии повоспитывать строптивую пионерку, которая волей какой-то ма...фии оказалась под его крылом. Вся суть его речи сводилась к одному: «Ну как можно такой взрослой девушке вести себя подобным образом; не хватало, чтобы еще бы коленки разбила; смело в детский сад можно отправить, очевидно, соображалки не намного больше, чем у малышей». Эти фразы, переконструируемые на ходу и повторенные несколько раз, уже не задевали Анну, отчего-то ей на душе было весело. И хорошо, что боль давала о себе знать, иначе она рисковала навлечь на себя новую волну гнева. Внутренним чутьем она поняла, что ее телохранитель вовсе не заносчивый и нудный сыщик, а очень сложный, непонятный, но такой правильный и ответственный. И хороший. И эта мысль едва не прямо-таки просилась вылиться улыбкой. Но его лучше не злить.

А Штольцев вдруг понял, что ему нравится быть занудой, поучать и сурово «качать права». Эта мысль его так озадачила, что он едва не уцепился за себя. Ни орать на подчиненных, ни устраивать долгоиграющие разносы он не любил. Достаточно было одного взгляда, чтобы все всё поняли. А тут... Тут он чувствовал ответственность за это строптивное, с железной выдержкой воздушное создание. Которое хотелось оберегать не по долгу службы, а просто так... Да, было от чего озадачиться.

Завершив работу, Штольцев, как художник, удовлетворенно посмотрел на девушку.

– Все! Готово!

– Я вам очень благодарна, – она подняла глаза, и их взгляды переплелись. Яркая зелень и глубокая синева, аквамарин и бирюза, словно воды двух морей схлестнулись, чтобы обнять друг друга и растворить прочерченные рукой неизвестного картографа границы. На мгновение они замерли, будто впервые увидев друг друга. Этот безмолвный диалог разрушил какую-то преграду и оба задались вопросом: «Как сделать шаг назад и вернуться к их колючему, но понятному формату общения?»

Опомнившись, сделали вид, что ничего не случилось, и, усевшись в автомобиль, продолжили путь.

Добравшись до места назначения, они, в рамках договоренности, поделили территорию, распределили обязанности и зажили жизнью обычных, рядовых людей, преследуемых мафией.

Как и планировал Глеб, еду они заказывали из ресторана. С остальным более или менее успешно справлялись сами. Надо сказать, Анна не раздражала его, она старательно мыла за собой посуду, в ванной не разбрасывала свои вещи, будто все детство провела в военно-спортивных лагерях. Первые три дня они осматривались, обживались и вечером выходили на прогулку.

Июнь набирал силу, и на улице уже было достаточно тепло. Поэтому Глеб предложил съездить на реку.

– Пойдемте искупаемся, – Штольцев, привыкший к спартанскому образу жизни, не задумывался о температуре воды, если вокруг была зелень и светило, не важно с какой интенсивностью, солнце.

– Для меня холодно, – ответила Анна, поежившись.

– Ну как хотите, – пожав плечами, он кивнул на ребяташек, весело плескавшихся в воде. – Смотрите, детворе не холодно!

Сбросив одежду, Глеб шагнул к воде, рассматривая берег.

Накачанное, тренированное тело излучало энергию. Анна, не желая выдать свой интерес, украдкой следила за мужчиной. Странное дело, когда изредка им с Кириллом удавалось вырываться на отдых, она ни разу не ловила себя на мысли, что ей нравится наблюдать за его движениями. Несомненно, он был в хорошей физической форме. Накачанные мышцы, пресс. Но какой – то амортизирующий слой жирка их покрывал. И ягодичы были какие-то женские. «Анна Викторовна! Порядочные девушки о таких вещах не думают!», – словно наяву услышала она возмущенный голос тети Липы.

Ну не думают. Согласна. Она просто наблюдает. Фигура мужчины, стоящего возле воды, подсвеченная лучами давно перешагнувшего полуденный рубеж солнца, поражала своим совершенством. Мускулистая спина, широкие плечи, узкая талия ...и упругие, невозможно красивые ягодичы. Смутившись, она отвела взгляд, с деланным равнодушием оглядывая место, куда собиралась сесть. Однако фигура Глеба, как мощнейший магнит, притягивала к себе взгляд. Не желая зарабатывать косоглазие, наплевав на воспитание, Анна открыто им любовалась.

Годами выработанное чутье безошибочно просигналило – за вами следят. Глеб, усмехнувшись про себя, наклонился и, зачерпнув воды, обрызгал царевну – Несмеяну, как про себя называл он свою подопечную.

Она возмущенно ахнула и гневно посмотрела на мужчину.

– Что вы себе позволяете?! – лицо ее выражало возмущение, однако опытный сыщик легко уловил смущенную радость, вспыхнувшую в ее глазах.

«А не такая уж ты и Несмеяна», – подумал Штольцев, и от этой мысли он почувствовал себя мальчишкой, желавшим привлечь к себе внимание. Выйдя из воды, он отошел на несколько шагов назад и, разбежавшись, как дельфин, без единого всплеска, нырнул в воду. Этот прыжок заставил сердце девушки сильнее забиться. И хоть она была неискушенной в межполовых отношениях, но интуиция подсказала, что этот сильный, красивый мужчина сделал это для нее.

Наплававшись в свое удовольствие, Глеб вышел на берег. Капельки воды, стекающие по его коже, подчеркивали ее гладкость и упругость. Он тряхнул мокрыми волосами, и от его кудряшек разлетелись играющие на солнце брызги. Напряжение последних дней исчезло, они были в безопасности, и жизнь, как флагманский корабль, определенно взяла курс на лучшее. Вдруг он напрягся и похолодел: прямо в голову Анны стремительно летел футбольный мяч. И этого никак нельзя предотвратить: слишком велико расстояние.

– Слева! Анна! – как на военных учениях, отчаянно крикнул он и в страхе чуть не закрыл глаза. Бедняжка! Ему страшно было подумать о последствиях. Она такая хрупкая, словно светящаяся! Но хоть и показала бойцовский характер, футбольный мяч – это слишком жестко. Он ринулся к девушке, в надежде подхватить ее, удержать от падения. Однако на полпути остановился, будто загипнотизированный. Услышав его крик, Анна мгновенно среагировала, и то, что представилось его взгляду, было совершенно немыслимо и не поддавалось никакому анализу.

Джеки Чан наверняка позавидовал бы такой растяжке и реакции. Молниеносно вскинув левую ногу чуть ли не выше головы, она с разворота ударила ребром ступни по мячу. Тот, словно не ожидая такого отпора, разгневанной свечой взвился высоко в небо. Несколько пар глаз ошарашенно наблюдали за его траекторией. Словно снаряд, пущенный опытным артиллеристом, он опустился ровно в центре импровизированного футбольного поля, на котором оттачивали мастерство ребяташки.

Они восхищенно ахнули.

– Тетенька. Идите к нам играть! – чуть ли не хором крикнула толпа сорванцов.

Анна деланно нахмурилась, изображая строгость.

– Какая я вам тетенька! – воскликнула она. Это обращение рассмешило ее, так что она даже сумела скрыть боль. Ведь отбивая мяч, она нагрузила опорную, правую ногу, которая еще не полностью восстановилась.

Однако от взгляда Глеба это не ускользнуло. Как стойкий оловянный солдатик, она отказывалась лежать в постели. Хотя и не было гематомы, но все же побережь ногу стоило. И если б он ей дал волю, она еще по приезду из машины сама бы выскочила.

Его мысли, не подчиняясь хозяину, который старательно пытался стереть воспоминания и ощущения, унеслись в недалекое прошлое....

Он затормозил возле подъезда. Достал ключи, и едва Анна собралась выходить, строго скомандовал:

– Си-деть!

Девушка едва не вздрогнула и послушно убрала руку от ручки дверцы.

Обойдя машину, Глеб аккуратно вынул Анну, которая попыталась было запротестовать, и на руках понес в квартиру. Даже на пороге он не захотел выпускать ее и умудрился открыть дверь, не расставаясь с ношей. Что – то невероятно волнующее было в этом мгновении, что-то не сразу получившее оценку мозга, который безответственно отключился, поставив «лайк», по-дружески не желая мешать удовольствию тела и души. И только потом выдал оценку – так вносят в дом молодую жену. Приди эта мысль раньше, Глеб, может, суеверно и поставил бы Анну на пол, но постфактум уже ничего не изменить. Да и пугающее слово женитьба уже казалось не таким страшным монстром, словно эта девушка накинута на него аркан, сделав ручным. Как бы то ни было, прижимать к себе это невероятно воздушное создание было чертовски приятно.

«Алё! Ау! Земля! Как понял?!» – здравый смысл напомнил о необходимости вынырнуть из омута мечтаний. Хотя и в реальности было от чего потерять голову.....

Останавливаться на полпути уже не было смысла, поэтому он подошел к Анне и, под шутковством неумело скрывая восхищение, подчеркнуто церемонно изрек:

– Синьорина, снимаю шляпу! – и сопроводил характерным жестом, что было особенно комично, учитывая его предпоследнюю степень одетости или, вернее, раздетости. – А что это было? Судя по вашему весу, вы с этим мячом и сами улететь могли, а тут такой потрясающий финт!

Анна фыркнула от смеха.

– Не смотрите на мой вес. У меня удар ноги, как у кенгуру!

Теперь Штольцев едва удержался от смеха. Ему представилось огромное сумчатое, подающее пас.

– Ну, Анна Викторовна, вы не перестаете меня удивлять!

– Вытритесь, ветер прохладный, а вы весь мокрый, – перевела Анна разговор в другое русло. Она достала полотенце из сумки и подала его Глебу.

Тот благодарно взглянул на нее, и снова оба поняли, что нарушили технику безопасности. По каким-то неведомым причинам, зрительный контакт был им противопоказан, потому что вызывал странное чувство отрешенности от всего земного. Им казалось, что глядя в глаза друг другу, они попадают в какой-то портал, открывающий другой мир.

Анна поспешила опустить взор, но созерцание мужской крепкой груди, покрытой бисеринками воды, было не лучшим решением проблемы. Она торопливо села на покрывало, достала книгу и не сразу поняла, что держит ее вверх ногами.

Что же было в этом Штольцеве такого, что заставляло любоваться им? Накачанных мускулистых мужских тел она насмотрелась предостаточно, этим точно ее нельзя было удивить. Эту загадку ей предстояло решить.

Хотя зачем ее решать? Наверняка, у него есть женщина, которая уже решила. И теперь терпеливо и преданно ждет, когда вернется с боевого задания в уютно обустроенное гнездышко этот сильный, умный и, с виду такой суровый, орел.

К тому же у нее самой есть жених, Кирилл. Опытный. Серьезный. За ним, как за каменной стеной. Спокойно. Как на кладбище. Тут Анна поймала себя на мысли, что за эти дни ни разу не вспомнила о причинах своего бегства, о женихе. Словно Штольцев, как мощнейшая заглушка для всех видов сигналов, блокировал в ней малейшие проявления тревоги, беспокойства. С ним было спокойно, но не так как с Кириллом. Сейчас, образно говоря, она сидела, как на пороховой бочке. Но ни капли волнения при этом не испытывала. Она была уверена, что Штольцев так надежно охраняет эту бочку, что ни одна искорка не сверкнет в радиусе нескольких километров.

Штольцев ... Анна, погрузившись в размышления, не заметила, как Глеб оделся и, вытирая полотенцем волосы, теперь с любопытством смотрит на нее. Немного смутившись, она вопросительно посмотрела на мужчину:

– Нам пора ехать?

– Если хотите, можем остаться. Дышите воздухом, пока не наступит время чревоугодия. А то я чувствую, что даром ем хлеб работодателя. В квартире я за вас не беспокоюсь и потому будто бы не на работе, – и он улыбнулся так по-доброму, что Анне показалось, будто их негласно провозглашенный нейтралитет начинает терять заданные четкие контуры. По умолчанию они не сближались, не становились друзьями. Все в жестких рамках официальности – ни о чем личном. Даже в поезде случайные соседи по купе и то более откровенны друг с другом.

Глава 6

Они встречались на кухне, перебрасывались парой незначущих фраз и расходились по своим углам. Анна не знала, чем занимался Глеб, и ей это было любопытно. Возможно, сидел в интернете, читал, смотрел что-то. Почтой пользоваться он запретил. Соцсети, естественно, тоже. Хотя Анна нигде не была зарегистрирована, и ей смешно было бы подумать, что сам Штольцев мог торчать на одноклассниках, ставя «лайки» фоткам еды.

Сама она тренировалась по три часа в день, читала, иногда развлекалась каким-нибудь фильмом. После ужина шли гулять, но опять же четко соблюдая границы. Она в наушниках, слушая музыку, он, как коршун, осматривая территорию. Сидели где-то на лавочке у воды.

Но с каждым часом все больше чувствовалось, что соблюдать границы становится трудней и трудней. По крайней мере, для нее. Глеб был ей интересен. Причем как мужчина. С пугающей очевидностью она это сейчас поняла. Это совершенно было неожиданно, неуместно, нелогично. В самолете она представляла, что ее будет охранять несгораемый сейф – шкаф, с полным отсутствием каких-либо человеческих проявлений, просто человек – машина, стреляющий, не вынимая руки из карманов, проламывающий кулаком дверь.

– Анна! – позвал Глеб свою подопечную. Анна выглянула из своей комнаты.

– Я вас слушаю.

– Я должен отлучиться часа на полтора. Вы уже большая девочка, но, надеюсь, сказки еще не забыли? – завязывая кроссовки, поинтересовался он.

– Что – то помню, – осторожно сказала Анна. Она еще никак не могла привыкнуть к ходу мыслей Глеба и постоянно ждала подвоха. А, как известно – чего ждешь, то и приходит.

– Ну, давайте навскидку! – подначил улыбающийся одними глазами мужчина. – Любые две!

– Спящая красавица. Синяя борода, – как старательная ученица, выпалила она.

– Синяя борода?! – с едва уловимой смешинкой переспросил Глеб. Его левая бровь иронично вздернулась, и оба поняли, что подумали об одном и том же. Правда оценка этой мысли была разная. Анна поняла, что элементарно прокололась. Синяя борода – сказка о жене, интересующейся тайной мужа. А Анне, действительно, хотелось заглянуть в комнату Глеба. Просто заглянуть. Может для того, чтобы лучше понять или что-то узнать о нем. А он подумал о том же самом, и ему эта мысль доставила самое настоящее удовольствие – эта девушка, ходячая загадка, хотела проникнуть в его мир. Дальше думать было нельзя, но и этого было достаточно.

– Неправильный ответ! Правильный – это «Волк и семеро козлят», – нравоучительным тоном произнес он. – Любые ассоциации неслучайны, как говорят психологи.

Девушка озадаченно уставилась на него.

– То есть сейчас я должна была вспомнить сказку, связанную с необходимостью держать дверь на замке?

– Именно, догадливая вы моя! Никому ни под каким предлогом дверь не открывать. Ни полиция, ни старушка попить воды – запить таблетку – ни пожар. На случай пожара, облить дверь балконную, шторы и окно, смочить водой одеяло, покрывало, взять с собой и на балкон. Понятно! Даже если скажут, что принесли мое тело! Никому.

Дверь захлопнулась, и наступившая тишина, словно издеваясь, зудела напоминанием о ее проколе. Если раньше она гнала от себя мысль о том, чтобы заглянуть к Штольцеву в комнату, руководствуясь соображениями хорошего воспитания, то сейчас, с потрохами выдав свое потаенное желание, она могла уже больше не заботиться о своем моральном облике.

Выглянув с балкона, она убедилась, что ее телохранитель уже завернул за угол. И, подогреваемая непреодолимым кошачьим любопытством, она, с замирающим сердцем, переступила запретную черту.

В комнате был идеальный порядок. Ни пресловутых разбросанных носков, ни рубашек, вкривь и вкось висящих, где попало. Постель убрана в ящик.

На цыпочках она прошла на балкон. В ее комнате был поменьше. Здесь журнальный столик и ротанговое кресло. На столике пепельница с парой окурков, сигареты, зажигалка и книга. Ей нестерпимо хотелось сесть в кресло, подержать в руках зажигалку, но мысль о том, что может оставить отпечатки пальцев и рассмешила ее, и удержала от посягательств на неприкосновенность имущества. А книгу можно и так рассмотреть.

Нассим Николас Талеб «Черный лебедь». Анна вздрогнула. Глаза ее будто увидели нечто такое, что заставило сердце забиться чаще.

Конечно же, она себя накручивает, но... Может, она себе напридумывала насчет того, что нейтралитет рушится и границы сдвигаются? Ведь она явно расслышала, что Кирилл по телефону четко обозначил условия выбора человека, которому может доверить жизнь и безопасность невесты: профессионал высокого класса, немолодой и морально устойчивый. Последний критерий ее очень тогда рассмешил. Он бы еще потребовал наличие характера выдержанного, нордического, который в связях, порочащих его, замечен не был. Штирлиц, герой любимого фильма папы.

Штирлиц, Штольцев... Анна удивилась. Как ей раньше не пришло в голову сопоставить это? Ведь не зря же начальник полиции выбрал его и поклялся, что он самый лучший?

Времени свободного у Анны не было совершенно, однако она улучала минутку, чтобы заниматься саморазвитием. Читала книги, слушала аудиозаписи. И имела уже достаточно ясное представление о природе многих вещей. В частности о том, что случайностей не бывает, что они просто звенья порой невидимой цепочки закономерностей.

«Черный лебедь» слишком много для нее значил, поэтому такое пересечение с интересом Глеба показалось почти мистическим.

На цыпочках, будто от этого сам факт вторжения на чужую территорию мог иметь смягчающие обстоятельства, она вернулась к себе в комнату.

С замирающим сердцем она открыла интернет ...Нассим Талеб «Черный лебедь». «То, что мы будем называть Черным лебедем – это событие, обладающее следующими тремя характеристиками. Во-первых, оно *аномально*, потому что ничто в прошлом его не предвещало. Во-вторых, оно обладает огромной силой воздействия. В-третьих, человеческая природа заставляет нас придумывать объяснения случившемуся *после* того, как оно случилось, делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым.

Эти редкие Черные лебеди объясняют почти все, что происходит на свете, – от успеха идей и религий до динамики исторических событий и деталей нашей личной жизни».

Помимо ее Черного лебедя, такой же редкостной птицей становился Штольцев. С ним она впервые почувствовала, что может спорить и отстаивать свое мнение. Вся ее жизнь была подчинена строгому графику и режиму, в котором не было времени на ненужные споры и препирательства. А впервые взглянув на Глеба, она это сделала! Увидела, как он злится и непонятно чему обрадовалась. Либо свободе, либо реакции мужчины.

Анна настолько увлеклась чтением, что даже не услышала, как хлопнула входная дверь. И поэтому вздрогнула, когда раздался голос Штольцева:

– Анна!

Как застигнутый на месте преступления начинающий воришка, она быстро захлопнула ноут, словно испугалась, что он увидит открытую страницу с интересующей его книгой.

– Да?! – выглянула она из комнаты.

– На реку едем? Я тут подумал, что пообедать можем и на природе, просто отъедем подальше, шашлык сделаем, огурцы, помидоры. Даже картошки на углях можем испечь. Или вы кроме своей бледной рыбы и силоса безвкусного остальное за еду не считаете? – голос Штольцава звучал так задорно, а озорные смешинки в глазах придавали ему такой ребячливый вид, будто он и впрямь был мальчишкой.

Искренняя радость, растворенная в удивлении, отчетливо отразилась на обычно холодно – вежливом лице девушки.

– Я даже сфотографировал ботву, которую вы заказываете, и мне на рынке нашли ее! – Глеб с гордостью достал пакет с зеленью.

– Я никогда не обедала на природе, – с растерянной улыбкой она словно озвучила свои мысли.

– Тогда собирайтесь! – весело скомандовал Глеб.

Глава 7

Выбрав удобное место, они выгрузили пакеты из багажника. Глеб разжег угли в мангале, и, раздевшись, развернулся уже к реке. Потом затормозил:

– Анна! А вы чего это не купаетесь? Поймите меня правильно, вовсе не из желания поразглядывать ваши прелести спрашиваю. Здесь так чисто. Вода как хрустальная! Позагорали бы!

– К реке я не привыкла, – чуть замешкалась она с ответом, так как решала дилемму – про прелести – это подчеркивание, что она его не интересуется или от словесной неуклюжести.

– Ах, простите, я забылся. Простите, здесь точно не Лазурный берег! – видно было, что Штольцев разозлился. И вместо радостного мальчишки, со счастливой улыбкой колдовавшего над мангалом, она увидела язвительного, насмешливого мужчину. Такого, которого она увидела впервые.

Размеренной тигриной походкой он направился к реке. Без излишней театральности он вошел в воду и нырнул.

Анна огорчилась, ведь она сказала чистую правду и совсем не хотела его задеть. Чтобы как-то смягчить гнев Глеба, она решила хотя бы наполовину ему угодить.

Сняв мокасины, закатав джинсы до колен, она осторожно, как кошка, вошла в воду.

Доплыв чуть не до середины реки, Глеб развернулся обратно. Взгляд его застыл на изящной фигурке, старательно мерявшей шагами береговую линию.

Прохладная вода чуть остудила горячую арийскую, как иногда шутил Rogozin, кровь. И он, в почти благодушном состоянии, как морской лев, подплыл к самому берегу, усилием воли подавив в себе желание схватить за ногу привередливую нимфу.

Однако не только и не столько нежелание выглядеть невоспитанным остановило его. Взяв Анну за руку, он вывел ее из воды и опустился на корточки. Выражение страха, боли мелькнуло на его лице.

Не выдержав, он осторожно, будто боясь поранить, коснулся пальцев ее ног.

– Аня, вы что это, испанский сапожок носили? – забыв напрочь о нейтралитете, он гладил изуродованные багровыми шишками костяшки ее ног.

Анна растерялась, она не ожидала такой реакции. Хотя ведь он не видел такого никогда. Перематывая бинтом ее ногу, он же не снимал носок...

– Не испанский. Американский, – грустно пошутила она. – Американские пуанты считаются самыми лучшими. Да, и зрелище не для слабонервных.

Глеб не мог оторвать ошеломленный взор от ног Анны. Щемящее чувство нежности и сострадания переполняло его, как ему казалось бесстрастное и закаленное, сердце. Теперь было понятно, откуда такая стальная выдержка, адское терпение и сдержанность в эмоциях, которую он сначала приписал нежеланию снисходить до услуги. Он знал, что балет – это мясорубка, которая калечит тело, награждая букетом хронических болезней, что свободного времени у них нет, личную жизнь устроить невозможно, разве если только найти пару среди коллег. Одно дело общие знания, но то, что он видел воочию, его потрясло. Вот плата за возможность блистать на сцене, заставлять зрителей, затаив дыхание, уноситься в мир красоты, мир волшебства.

Но ... Зрители ушли, пребывая некоторое время в эйфории. Затем вернулись к рутине, к быту. И забыли о празднике. А эти феи трудятся, конечно, принято говорить – не покладая рук, но здесь уместней – не покладая ног, изнуряя себя многочасовыми тренировками, ограничениями во всем. Конечно, каждый делает свой выбор, идет к своей цели. Но почему-то ему безумно было жалко именно вот эту воздушную фею. Он не мог оторвать руку, словно она могла как-то сгладить, исцелить эти жуткие шишки.

– Ну, зачем все это? – произнес он растерянно. – К чему эти жертвы, самоистязание? Женщина создана для любви, а не для того, чтобы гробить себя!

Анна молчала. Она была потрясена не меньше Глеба. С трех лет она не помнила другой жизни, кроме той, которая у нее сейчас. Ее никто не спрашивал, отводили в студию и все. И она искренне была убеждена, что так нужно, что по-другому не бывает.

А сейчас этот мужчина одним вопросом поставил под сомнение необходимость такого образа жизни. Но это все на уровне мыслей, анализа. А то, что он гладил ее ноги, не отворачиваясь брезгливо, вызвало в ней такую душевную бурю, о возможности которой она и не подозревала.

Кирилл никогда не задавал ей такого вопроса. Он никогда не прикасался к ее пальцам. Она сама их прятала, даже на пляже сидя в легких кружевных балетках. Она понимала, что ее ноги – не совсем эстетичное зрелище. И что для Кирилла они все равно, что изуродованные подагрой старческие конечности.

Впервые за много лет она почувствовала себя слабой, незащищенной и уязвимой. Жалость к себе, словно коварный враг, нашедший лазейку в многометровой крепостной стене, ворвалась в ее душу, грозя разрушить все.

Впервые за много лет ей нестерпимо захотелось плакать. И ясно понимая, что этого делать никак нельзя, она закусила губу, подняла глаза вверх, безуспешно пытаясь остановить уже рвущийся поток. Несколько горячих – горячих слезинок она не удержала. И они упали на лицо Глеба.

Погруженный в переживания, он не сразу понял, что это такое. Взглянул на небо – там ни облачка, перевел взгляд на Анну и ... совсем забыл, что эта девушка – его работа, что он профессионал. Есть вещи, сопротивляться которым бессмысленно. Или они разорвут душу в клочья.

Он медленно поднялся и обнял Анну, одной рукой успокаивающе гладя по спине, другой бережно прижимая ее голову к своей груди.

Не сделать этого он не мог. Нестерпимое желание обнимать, защищая эту девушку, пульсировало в каждой клеточке его тела, обжигая и вознося на вершину блаженства. Никогда в жизни простые объятия не доставляли ему такого наслаждения. И скорей всего потому, что оно состояло из двух равнозначных частей – физической и духовной.

Анна ему безумно нравилась, Штольцев сейчас понял это со всей пугающей очевидностью. И слово «нравилось» скорей можно назвать эвфемизмом; оно, будто простая тряпка, прикрывающая произведение искусства, опасно прятало другое понятие. То понятие, которое он боялся озвучить даже в мыслях. Абстрактно да, но только не по отношению к этой девочке. Хотя в отношении Анны вообще ничего нельзя было сказать определенно. То Несмеяна, которая язвила под стать ему, растерявшему радость жизни прагматика, то солдат Джейн со смертельным ударом ноги (тут уж она сама сравнила свою конечность с кенгуриной), то воспитанная вежливая барышня. А сейчас – просто взрыв эмоций (причем его) и фейерверк слез (ее). Но как бы то ни было, Глеб чувствовал, что стоит на краю пропасти. Один неверный шаг – и его душа, прикрытая защитным панцирем скептицизма и рационализма, разобьется об острые камни запретной страсти.

Он ощущал одной ладонью гибкую, трепетно вздрагивающую спину, другой шелковистые волосы, и каждая секунда, дарящая блаженство объятий все глубже затягивала его в омут чувств.

Анна, непроизвольно разрешив себе хоть немного побыть слабой, залила слезами всю грудь Глеба. Хотя точно нельзя было сказать, каково было процентное соотношение слез и речной воды, не успевшей стечь или испариться. Потом осознав, что происходит, она попыталась отстраниться и подняла свои, полные алмазных слезинок, глаза, и произошло то, что неизбежно должно было произойти при таком опасно близком контакте. Безмолвный диалог

взглядов – и короткое замыкание. Оба едва не вздрогнули, по их телам молнией пронеслись миллионы ярких искорок желания, которое словно оголило нервы и заставило сердца стучать набатом. Оба стояли на краю. Вмиг пересохшие губы, которые безумно хотели слиться с другими, еще такими незнакомыми, но невообразимо желанными. Дыхание сбилось ...

Глеб, задыхаясь от обжигающего желания впиться в эти трогательно припухлые, находящиеся на расстоянии поцелуя губы, понял, что окончательно пропал.

«Нельзя», – слабо подал голос разум, который в таких случаях у большинства мужчин предпочитает в этот момент вообще взять больничный. Но его жалкий писк не был услышан, и Штольцев стремительно терял почву под ногами.

И коль разум не справился с возложенной миссией, последним бастионом стал внутренний голос, которому не чуждо было чувство юмора. Как спасательный круг, он бросил лозунг советских времен: «Сталевары! Ваша сила в плавках!» Аналогия была очевидна. Его жаждущая сила, благодаря плавкам, вернее их совершенно мокрому состоянию, удержалась в рамках приличий. Иначе пришлось бы жениться.

Больше не доверяя себе, он мягко отстранился и перевел взгляд, опять ступив на тонкий лед, на грудь девушки. Голос предательски сел, но Штольцев мужественно выполнил свою миссию.

– Ну вот, я вас совсем намочил! Давайте не будем плакать, а займемся приготовлением еды.

Привычная арифметика на этот раз не спасала. Отстраниться он смог, но окончательно выпустить из своих рук, потерять контакт было ох как трудно. Все доводы разума разбивались о гранит внутреннего убеждения в неслучайности этой встречи. Его тело отзывалось каждой клеточкой на прикосновение к этой девушке, словно какой-то точнейший камертон перенастроил весь его организм, доселе функционирующий, как часы. На определенные раздражители реагировал соответствующим образом.

Если женщина выгибается, как кошка, заводит руки за голову, призывно хохочет, показывая диаметр рта – это все включает базовые инстинкты в мужчине и, если женщина приятна, он начинает хотеть ее.

Сейчас же ни одного намека на сексуальность, а его уже почти трясет. И предельно понятно, что это не от того, что свежо. Он хотел ее. То, что случилось, не поддавалось осмыслению. Девушка, которую он должен охранять, от домогательств в том числе, желанна до судорог.

Произошел сбой в системе. Базовый инстинкт включился спонтанно, вопреки устоявшейся, выверенной схеме. Анна в свою очередь была потрясена. Невозможно было представить, что с ней может произойти такое. Она практически никогда не плакала. В случае огорчения, даже травмы, она стискивала зубы, никому не показывая боль или переживания. Это ее образ жизни. И вдруг все перевернулось.словно гигантские песочные часы, бесстрастно и размеренно отсчитывавшие круговорот ее жизни, вдруг перевернулись и начали все с нуля. С совершенно новых ощущений, мыслей и желаний.

Руки этого мужчины, кажется, совершенно невинно гладившие ее, были такими чувственными и сильными, что она просто им доверилась. Как же она хотела, чтобы блаженство этих минут не кончалось! Не кончалось вопреки всем Нельзя. Анна вдруг осознала, что хочет доверять Глебу. Хочет хоть иногда быть слабой, чтобы почувствовать его защиту. Увидеть в его глазах ответы на все вопросы. В том числе и на тот единственный вопрос, который она не посмела задать даже себе.

Глеб, разжимая объятья, напоследок скользнул ладонями по обнаженным рукам девушки, чуть дольше приличного задержавшись на локтях. Щемящая нежность забралась в его душу, будто бездомный, изголодавшийся котенок, на минуту облаканный, а теперь трепещущий от страха, что его выбросят на улицу. И что теперь с этим делать, мужчина решительно

не знал. «Что-что! Выделить коробку, миску и наказать, чтоб в тапки не гадил». И едва сдержав огорченный вздох, он повторил:

– Пойдемте, обед соорудим. Вы когда-нибудь готовили что-нибудь своими руками?

Анна смущенно улыбнулась:

– Мои руки только в танце хороши. А что касается быта... – она знала, как говорят о таких не приспособленных к домашнему хозяйству руках. Однако ж не озвучивать это вслух... и она добавила: – Они у меня из тазобедренных суставов растут.

Глеб изумленно посмотрел на нее – она еще и шутить умеет – и слегка усмехнувшись, сказал:

– Ну, пойдемте, попробуем приспособить ваши руки к более приземленной деятельности. Я вам нож могу доверить? Только аккуратней с пальцами. Аптечка, конечно, есть, но не хотелось бы видеть вашу кровь еще раз.

А внутренний вирус вредности многозначительно помолчав, изрек: «Ага! А у самого аж ручонки тряслись, когда рану обрабатывал и перевязывал... так на нежность пробивало...»

Глеб нахмурился. Действительно, девушка была удивительной. И невозможно уже было думать по-прежнему, чувствовать по-прежнему да и жить по-прежнему. Потеряло прочность убеждение насчет современных пионеров, поколения потребительниц и пустышек, которые сбиваются в стайки, обсуждают модные журналы, гоняются за брендами, рисуют угрожающе насупленные брови, при виде которых сразу сказка «Морозко» вспоминается и Марфушенька –душенька. А если подумать... И чего это он на современных ополчился? Эдакие марфушеньки были во все времена.

И зачем далеко ходить? Его Нина... хоть и не пионерка... Никогда не работала, от двух мужей получила хорошие отступные. Нет, чтобы женщина имела возможность посвящать время себе, он только За. Но кроме салонов, светских тусовок, должна же быть какая-то самореализация? Точка приложения способностей?

Хотя, видимо, он уже настолько увлекся Анной, что начинает свою подругу рассматривать через кривое зеркало. А это непорядочно. Она умна, начитанна, водит дружбу с творческой богемой, разбирается в искусстве. И к тому же Нина прекрасно готовит. Восхитительно. Он перевел взгляд на Анну: она старательно, неуклюже, с воодушевленным лицом, будто на конкурсе «Юный поваренок» кромсала огурцы. Нина. А с чего он решил, что она прекрасно готовит? Мозг, получив новую задачу, начал быстренько обрабатывать имевшуюся информацию. К его приезду еда была уже в стадии «с пылу, с жару». Нигде – следов приготовления – ни грязной посуды, ни отходов. И сама она активная, не измученная стоянием у плиты. Хотя она и не говорила, что это сама приготовила. В ответ на его «Ммм, вкуснятина» она просто кокетливо улыбалась. Да, собственно, ему и неважно было – главное – его ждали.

Он не обращал внимания на мелочи, воспринимал ее целиком. Взбрыкнет – они расстаются, мирятся – снова расстаются. Капризна, эгоистична. Но любая женщина – та еще птица. И он не орнитолог, чтобы изучать их повадки, места гнездовых и прочее.

Он понимал, что самка любой породы птиц запрограммирована на витье гнезда, высиживание яиц. Хотя опять же птица птице рознь. Кукушки подбрасывают свои яйца в чужие гнезда. Пингвиниха делегирует полномочия супругу – именно он по большей части стоит на яйце...

Из состояния глубокомысленной зависнутости его вывел голос Анны.

– Глеб Платоныч! А это у вас ритуал такой – первую порцию шашлыка сжечь? Или рецепт особый?

Штольцев едва не вздрогнул – настолько он погрузился в философствование. От неожиданности он брякнул первое, что пришло в голову.

– Ну, ваши огурцы будут достойным дополнением к шашлыку.

Могло бы сойти за корявую шутку, но учитывая, что Анна честно призналась, что она неумеха, прозвучало обидно. Анна, трогательная и нежная, враз исчезла, словно ежик спрятал свою милую мордочку в колючки.

– Мои огурцы пусть и неказисты, зато не испорчены. А ваш шашлык и волк голодный есть не будет.

– А вас ...– защитный рефлекс уже, как демон – искушитель, вкладывал в уста Штольцева « думаете, с вашей худобой голодный волк есть будет?»

Еще вчера именно так бы он и ответил. Но сегодня все изменилось. Произошло невероятное и предельно очевидное – жить как раньше – невозможно. И по-другому тоже жить невозможно. У нее жених, богатый папа, сцена, а у него ... и здесь куча нельзя. Несомненно, они расстанутся, и хорошо, если она вспомнит о нем. Но сейчас никак не хочется ссориться. Хотя бы ради возможности повторить тот волшебный миг – объятия – сердце в лезгинке – голова вообще не при делах. Только острое, до боли, чувство единения и фантастический букет эмоций.

Анна пристально, с вызовом вскинула на него глаза.

– Ну, продолжайте «А вас и волк голодный есть не станет?»

В списке удивляющих в ней качеств появился еще один пункт – читает мысли.

– А вас...я научу пользоваться ножом не только для еды. И простите, если нечаянно обидел.

– Вы извиняетесь? – снова перед ним мелькнул радостно-удивленный образ ребенка.

– Получается, что так, – Штольцев улыбнулся открыто и покаянно. Лыдинки растаяли – взгляд девушки потеплел. Снова Анна поняла, что невольно сравнивает человека, за которого она выходит замуж и этого мужчину с пронзительным взглядом. Кирилл никогда не извинялся. Да она собственно и не обижалась на него никогда. Просто принимала к сведению его замечания. Такая классическая будущая английская семья. «Дорогая!», «Да, дорогой?!»

Минутное сомнение – и глаза Анны, устремленные на Глеба, снова поменяли выражение. Вопрос – просьба о помощи – нерешительность. И детская потребность в защищенности, потребность доверять...

– Глеб Платоныч! А можно я вам расскажу причину, по которой мы с вами здесь?

Штольцев едва не подавился куском мяса, который снял с шампура для пробы. «Ансамбль песни и пляски», – констатировал он, даже не пытаясь понять, что творилось у него в мозгах. «Маятники», «хлопушки» и «присядки», выделяемые собственными мыслями, всерьез его обеспокоили. Они сменяли друг друга, не давая владельцу головы толком зацепиться хоть за одну. Первая – ликующая – «благодаря этой причине – они здесь». Другая – тревожная – «ведь проблема-то должна решиться». Третья – «это не в его компетенции». Четвертая – «Кирюша – 1:0 – мы выигрываем». Пятая – « почему он так разволновался». Шестая – «их отношения укрепляются». ...Седьмая –« это невозможно». Сколько их еще бы пронеслось, если бы не необходимость ответить.

– Конечно.

– Я танцую в кордебалете. Чтоб вы понимали – это безликие рабочие лошадки, создающие всю красоту, зрелищность балета. С отточенной техникой, невероятными затратами энергии и желанием когда-нибудь стать примой. Потому что прима – это известность, успех. Как из семнадцатого лебеда в третьем ряду попасть в солистки? Данные примерно у всех одинаковы. Ну, если не брать звезд. И, к сожалению, как во многих видах искусства – не последнюю роль играют связи, протекция. В театре, в котором я служу, ...служила, наверно уже, прима – ..., – Анна замялась неловко, подбирая слово, – подруга Винченцо Козадио, известного мафиози. Из всех нас Лючия меньше всего создана была для этого. Прима – это образ, эталон. А она чрезвычайно капризна, взбалмошна. И всем приходится мириться с этим. Кирилл хотел, чтобы

я перешла в другой театр и там похлопотать за меня, сделать звездой. Я отказалась. Я считаю это неприемлемым, – девушка гордо вздернула подбородок.

И опять Глеб увидел упрямую, волевою Анну, которая его поразила при встрече. Он залюбовался. Как же хороша она была, наверно, в танце! И, несомненно, в роли солистки.

– Самое интересное началось, когда начали работать над «Лебединым озером». Одетту – Одилию – Белого и Черного лебедя – традиционно танцует одна артистка, чтобы понятно было, как принц мог их перепутать. Но Черный лебедь крутит тридцать два раза фуэте. А наша прима этого не могла сделать, и постановка катастрофически теряла поклонников. И вот режиссер, сделав тридцать три китайских поклона, убедил Люцию отдать вторую роль мне. Тем более, что мы с ней слегка похожи. Я репетировала чуть ли не до потери сознания.

И настал судьбоносный день. В кордебалете я уже не участвовала, первое действие наблюдала из-за кулис. И вот я должна была одеться для партии. Люция, изрядно злопыхательствовав, согласилась делить свою «звездную» примерку со мной. Захожу туда – там висело платье для меня. И застаю там «адъютанта» Козадио, который буквально отпрыгнул от моего наряда. Такая улыбчивая гиена. Он выносил корзины с цветами на сцену для Люции. Однако в примерку доступ был ему закрыт.

...– Что вы здесь делаете? – спросила я.

– О, я пробрался тихонько, чтобы никто не видел. Моя младшая сестра твердо решила стать балериной. И на удачу попросила вытащить перышко из пачки примы. А вы, синьорита, знаете, что счастье сестры для брата важнее его собственного, – начал тараторить он. – Вы, пожалуйста, никому не говорите, что меня видели. Мало ли чего могут подумать?!

– А почему вы тогда без пера?

«Гиена» слегка смешался, но тут же нашелся:

– Ну, вы застали меня на месте преступления, – с деланным смешком ответил он. – Теперь уже поздно, волшебства не будет – нужно было перо выдергивать, чтоб этого никто не видел.

И чуть ли не пятась, он выскочил в коридор. Я, уже наученная горьким опытом, настроено отношусь ко всему странному. Пуанты, после того, как мне подложили сломанное лезвие, всегда ношу с собой. Поэтому и платье я решила осмотреть. Меня не прельщали лавры Кшесинской, которая эпатировала публику, станцевав с обнаженной грудью после того, как оборвалась ляпка.

Штольцев, до того предельно внимательно слушавший Анну, едва не утерял нить повествования, только представив эту соблазнительную картину. Сглотив слюну, он улетел в мечтаниях в театр и, словно наяву, увидел эту невозможно красивую девушку, танцующую только для него. Рвется ляпка ...и...

– Глеб Платоныч?! – Анна вопросительно вскинула на него взгляд.

Наверно, на лице сурового сыщика остался отпечаток от только что совершенного полета фантазии, так что девушка, несколько дней не решавшаяся рассказать о своей проблеме, сейчас даже не обиделась на невнимательность. Она лукаво усмехнулась. Штольцев, пытаясь скрыть свой конфуз, глубокомысленно посмотрел на Анну.

– Я пытался предугадать, что случилось с вашим платьем.

«Ну-да! Ну-да!», – некстати включился в диалог внутренний голос.

– Я осмотрела лиф и нашла иголку, – продолжила Анна. – Артисты достаточно суеверны. И не смейтесь, пожалуйста, я тоже. Я подумала, что таким образом на меня хотели навести порчу. Мне сразу пришло в голову, что это Люция нажаловалась своему покровителю, который собаку съел в деле устранения неугодных людей. Она ненавидит меня.

– Анна Викторовна! – Штольцев снисходительно, словно разговаривая с ребенком, улыбнулся. – Вы молодая, современная девушка. Ладно, причуды, связанные с боязнью сглазить удачу. Это в каждой профессии есть. Но это скорее ритуал, который составляет ее неофици-

альную, так сказать духовную суть. Приметы, байки, черный юмор – все это позволяет снять напряжение, подчеркнуть родство, чувство единения. А людям, знаете ли, присуща необходимость быть в стае. Природный инстинкт.

Штольцев притормозил поток философствования. И очень вовремя. Выразительное лицо Анны снова превратилось в маску корректной вежливости. Но Глеб успел заметить быстро погашенную искорку какой-то детской обиды.

– Благодарю, что уделили мне внимание, – эти пять слов, словно пять иголок вонзились в сердце. Глеб почувствовал себя полным идиотом. Эта запуганная девочка едва решилась довериться ему, а он...

Отойдя от мангала, он опустился на корточки перед сидящей на пледе девушкой. Не отдавая себе отчета, взял обеими ладонями ее руку. И на миг забыл, что хотел сказать. От соприкосновения они снова вздрогнули, словно случайно дотронулись до чего-то раскаленного. Горло пересохло. Переплетенные взгляды будто породили маленькие сверкающие молнии, обжигающими зигзагами метнувшиеся по жаждущим познать друг друга телам.

Совладав с дыханием и отчаянно борясь с вновь захлестнувшим желанием притянуть к себе эту трогательно тонкую фигурку, он наклонился, по живому разрывая контакт глаз, и поцеловал изящную кисть. Он пытался придать своему поступку шутливую чопорность, однако получилось то, что получилось. Прикоснувшись губами к нежной коже, Глеб окончательно убедился, что это не свистопляски гормонов, когда просто жаждешь тела. Это было мучительное желание быть с этой девушкой в горе, и в радости.

Но это желание являлось даже не насмешкой Судьбы, а скорее язвительной гримасой Фортуны.

У нее скоро свадьба, а он так и не вспомнил из-за армяно – бургундского конфликта «Арарата» и «Мерсо», успел ли пообещать что-то Нине.

– Простите великодушно, не хотел вас обидеть, – мысленно вылив на себя ушат ледяной воды, Глеб вновь обрел способность здраво рассуждать.

Анна, потрясенная этой минутной, без сомнения можно сказать, самой настоящей близостью, тоже едва пришла в себя. «Хорошо, хоть он оделся», – подумала она.

– Продолжайте, прошу вас, – произнес Штольцев, медленно выпуская ее руку.

– Я взяла иголку салфеткой и положила в сумочку, не зная, что с ней нужно сделать. Я даже не помню, как я танцевала. Наверно, все-таки хорошо, – слегка зардевшись, добавила она. – Кирилл был в отъезде, и поэтому после представления домой меня отвез Антон, с его сестрой мы в приятельских отношениях (она тоже танцует в кордебалете).

Мы дружим. И я решилась поделиться с ним проблемой. И в отличие от вас, он меня внимательно выслушал. Забрал иголку. И на следующий день уже выдал мне результаты анализа. Кончик иглолки был обработан сильнейшим ядом, который вызывает сердечный приступ и быстро распадается в организме, практически не оставляя следов. А при наших нагрузках такая смерть может показаться вполне объяснимой.

«Черный лебедь», – Штольцев буквально еще минуту назад нравоучительно разлагольствовал о примитивной природе суеверий, сейчас был потрясен. В совпадения и случай он не верил, всегда и во всем отыскивая закономерность. Сейчас мистика буквально вломила в его идеально функционирующую мировоззренческую систему. «Черный лебедь» Талеба – это то, чего никак нельзя было ожидать. И вот к нему этот Черный лебедь и прилетел. Нежданно, негаданно, сокрушая все. Он никогда не думал, что его представления о жизни станут с ног на голову, что эту самую голову может потерять, как мальчишка, что ему встретится такая девушка. «Седина в бороду, бес в ребро и на молоденьких потянуло?» Да трижды нет! Нина даст сто очков вперед любой двадцатилетней. Нина – это квинтэссенция жизненной энергии, драйва, это яркая комета, торнадо, способный смести все на своем пути. Часто игра. Азартная и без правил. Здесь другое.

Анна – это потрясающая внутренняя сила, красота, чистота. Анна – это свет, это все настоящее, честное. Эта девушка не предаст. И от этого на душе стало еще горше. Не предаст. У нее жених. Значит...

Змеюка – ревность подняла голову. Кто же он, этот Кирилл? Чем привязал к себе эту девочку? Ушат, еще ушат холодной воды. Срочно. Усилием воли он вернулся к действительности.

– Итак, мы имеем покушение на убийство. Однако доказать это не представляется возможным. Если иголку воткнул адъютант мафиози, то лучшие адвокаты разобьют в пух и прах все обвинения. Второе. Вы сказали, что Лючия ненавидит вас. Но это же связано, я так понимаю только с театром? И раз вы сказали, что служили, значит, возвращаться не собираетесь? Или вас уволили? Значит, опасность миновала, задача, я так понимаю, выполнена – вы не будете мозолить глаза сиятельной прима.

Анна удивленно посмотрела на Глеба. В суматохе она над этим не задумывалась.

– Теоретически, это может означать все, что угодно. Вы же не застали адъютанта именно в момент преступления? Возможно, иголку подложил Кирилл, чтобы заставить вас уйти из театра. Он же хотел этого? – увидев возмущенно распахнутые глаза Анны, он поспешил поправиться. – Это я перечисляю заинтересованных людей, не смотрите на меня так! Ведь он наверняка знает о вашей осторожности! Или он попросил Антона выдать вам неправильную информацию, и никакого яда там не было?

– Вы подозреваете близких мне людей?! – в голосе девушки зазвенела сталь.

Мгновения хватило, чтобы разрушить ту фантастическую близость, которая только что едва не бросила их в объятия друг к другу. Или показалось? И может и, правда: «Когда Господь хочет наказать нас, то лишает разума»?! И это только его разыгравшееся ретивое придумало очередную отмазку от женитьбы на Нине в виде неземного притяжения к другой? Ведь так не бывает, чтоб бац – и накрыло? Нет, с кем-то, может, и бывает. Но только не с ним. Голову он никогда не терял. Просто сейчас с дуру поверил в сказку. А Анна любит своего Кирилла...

Да, такого с ним точно не было. Чтоб эмоции захлестнули, подчинили себе и разум и тело, огненным смерчем прошли по душе. И теперь свое еще не раскрывшееся в полной мере чувство он должен захоронить, как ядерные отходы, еще и сверху придавив свинцовой плитой.

– Простите, я по привычке начал рассуждать вслух. Несомненно, здесь Кирилл не причем – тогда не нужно было бы прятать вас, – вслух произнес Глеб, а про себя добавил «и он отправил вас подальше в строжайшей секретности, чтобы показать, какой он надежный или еще по какой причине».

Сейчас Штольцев чувствовал себя у разбитого корыта. Сказка превратилась в ...пыль. Да и еще он начал сомневаться в себе как в профессионале: ни разу им не виденный Кирилл вызывал раздражение. Либо это уязвленное мужское Эго, либо профессиональная чуйка – и этот жених (так и хотелось презрительно на манер старушек у подъезда сказать жАних) не такой белый и пушистый, каким кажется Анне.

– Дальше, может у вас в театре нашлись другие завистницы? – перешел Штольцев на подчеркнуто деловой тон, который еще больше озадачил Анну. Несмотря на все «Не», она не хотела разрушить ту иллюзию теплоты, нежданно согревшей ее. Зачем она только его одернула? Привычка?! Убеждение, что Кирилл всегда прав?

– Не думаю, у меня со всеми равные отношения, – растерянно произнесла девушка.

– Если отталкиваться от мысли, что адъютант подложил иголку, то здесь тоже не все просто. В принципе, хоть он и не должен был находиться в гримерке, но оправдаться мог и менее глупым образом. Например, измерял зеркало, чтобы заказать дорогую раму. Босс хотел сюрприз сделать. А так получается, что он понес какую-то чушь. Почему?

– Не ожидал никого увидеть..., – тихонько произнесла Анна и немигающе уставилась на Глеба. – Он не знал, что гримерка на двоих, и что роль Черного лебедя исполняет не Лючия. Об этом в программке пока не писали.

– Ну вот, это больше похоже на правду! Наверняка, она и любовника своего достала, а раз вы говорите, что она в последнее время была совсем не в себе, то возможно начала требовать от мафиози чего-то невозможного. И растворяющийся бесследно яд – самый эффективный способ решить проблему.

– Тогда это значит, что мне ничто не угрожает?! – облегченно выдохнула Анна.

«Отравленная ядом отчаяния острая стрела вонзилась в израненное сердце», – с иронией подумал Штольцев, действительно, ощутив болезненный укол. Для этой красотки ничего не изменилось в мире, небо с землей не поменялось местами. Он для нее никто и ничто, и она рада возможности вернуться к привычной жизни.

– Напротив, теперь ваша жизнь точно в опасности, – буркнул он, не поднимая взгляда. Горечь утраты того, что еще не было приобретено, жгла сердце. «Что, игрушку отобрали?» – язвительный голос заставил Глеба вернуться к реальности. – Если мафиози избрал такой экзотический способ избавиться от любовницы, значит, действительно, боялся, чтобы его не заподозрили. И только вы можете связать воедино любое происшествие с Люцией и визитом секретаря. Ведь вы фактически сбежали после триумфа. Значит, догадались о цели визита. И не проблема для мафии узнать, не проводилась ли экспертиза.

Взгляды снова встретились. Боль потери, разочарование, тоска, прикрытые деланным безразличием увидела Анна в глазах своего визави. «Так и должно быть», – горькое эхо разносило эту мысль вокруг.

Они будто стояли на тонком льду. И жаркая страсть, взорвавшая их размеренную жизнь, вот-вот грозила растопить этот лед. И что тогда? Вдвоем ко дну?!

«Еда – наслаждение вкусом!» – вспомнилась Глебу навязшая в зубах реклама. Однако сейчас никакого наслаждения не было и в помине. Шашлык словно сделан был из ваты, кинза, которую он считал идеальным партнером мяса, казалась травой с газона. Аппетит пропал, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не показать, до какой степени он расстроен. Кусок, даже получив тридцать три приглашения, все равно не хотел лезть в горло.

Анне было проще. Она и так не злоупотребляла едой, поэтому в том, что два кусочка мяса, порция ботвы, как выразился Штольцев, были съедены без особого энтузиазма, не было ничего необычного. Однако вежливость превыше всего. И, пытаясь придать улыбке некую официальность, она поблагодарила шеф-повара за прекрасный обед.

– Не стоит благодарности, я для себя старался, – твердо решив завязать на узел все, что упрямо пыталось вырваться из-под контроля, не очень любезно ответил он. Сейчас принцесса обидится, и женишок получит ее в том состоянии, в котором и сдал на хранение. И никто больше не позарится на чужое. «Чужое! Чужое!» – несколько раз повторил Глеб, как аффирмацию.

Глава 8

Возвращались они молча, убеждая себя, что мелькнувшие всполохи неведомого счастья, сумасшедшего притяжения, всего лишь мираж. Показалось. Привиделось.

Вынужденное совместное нахождение на одной территории стало просто мучительным. Светские разговоры ни о чем во время трапезы. (Иначе и назвать нельзя было чинное поглощение пищи на кухне). Выехав на природу, они тоже старательно избегали контакта. Анна сидела, уткнувшись в книжку, благо никто не мог уличить ее в том, что вместо текста она видит фигуру Глеба, гладкую кожу спины, покрытую, словно росинками, капельками воды. А тот раздевался у самой воды и, вдоволь наплававшись, ложился загорать там же, прямо на песке.

Прошло три изматывающих дня. Понимая, что ни к чему хорошему это не приведет, Анна все равно хотела сгладить невыносимую натянутость. Забыв про тонкий лед, готовый растаять, она хотела вернуть теплоту. Пусть на несколько дней, но никогда ей так остро не хватало общения. Она решила сделать алаверды.

– Глеб Платоныч! Можно я попробую приготовить еду? – с внутренним волнением, опасаясь, что Штольцев опять поднимет ее на смех, спросила она.

– Пробуйте, я на свете уже достаточно пожил, поэтому мне не страшно умирать, – снисходительно ответил он, усмиряя непонятно от чего радостно забившееся сердце. – Я съезжу за продуктами. Чем вы собираетесь меня отравить? – ерничал Штольцев, безотчетно понимая, что сейчас это сойдет ему с рук, и от этого испытывая эйфорию. И действительно, слабо прикрытое издевательство осталось безнаказанным. Анна и не собиралась обижаться. Отчасти от того, что на правду не обижаются – ведь язву желудка можно от плохой еды заработать. Отчасти от того, что за насмешливым тоном Глеба она увидела радость и что-то еще неуловимое, а вовсе не опасение за свою жизнь.

– Рекомендую яичницу с беконом. А вы пока проштудируйте «Энциклопедию юной отравительницы», – усилием воли останавливая свою Ниагару ехидства, он схватил сигареты и подчеркнуто неспешно направился на балкон, едва не сдерживая себя, чтобы не подпрыгнуть, как мальчишка, от переполнявшего его удовольствия.

Снабдив новоявленного поваренка всем необходимым, Штольцев отправился в свою комнату. Демонстративно прикрыв дверь, он, тем не менее, как сторожевая собака, весь превратился в слух и обоняние, готовясь в любой момент превратиться в пожарного и локализовать очаг возгорания.

Раздался легкий вскрик. Мужчина, как тигр, мгновенно оказался у двери, рывком распахнул ее и в один прыжок оказался на кухне.

Небесная голубизна глаз Анны потемнела. В них отражалась боль и недоумение.

– Что у вас стряслось? – строгий голос телохранителя заставил девушку инстинктивно спрятал руку за спину.

– Ничего, – почти спокойно ответила она, отчетливо понимая, что сейчас начнется... Но вопреки всем ее выработанным реакциям, она, даже боясь самой себе признаться, хотела услышать, как этот оплот суровости и сдержанности будет ее распекать. Она чувствовала, что за язвительностью и насмешкой кроется нечто большее, то, что он не может себе позволить.

Глеб схватил руку Анны: тыльная сторона кисти была обожжена.

– Ну, кто бы сомневался!!! – начал он назидательно занудствовать. – Вы не ищите легких путей! Не отравить, так решили подставить меня под топор гнева вашего жениха за порчу вверенного имущества, – с этими словами он буквально потащил Анну к раковине, развернул ее лицом к крану и открыл воду. Чтоб она не вздумала самовольничать, стал сзади и обеими руками сунул ее кисть под упругую струю. По инерции он пробубнил еще пару нравоучений и смолк. Сердце перестало биться, дыхание прервалось – только сейчас он понял, какую

ловушку расставил сам себе. Ее бедра оказались у него между ног. В опасной близости находилась макушка Анны, с собранными в хвост волосами. Один локон вырвался на волю и привлекал внимание мужчины к нежной шее. Тонкий, ни с чем не сравнимый запах желанной женщины, словно сильнейший наркотик, поработил волю, выключил разум и контроль. В кольце его рук Анна замерла и закрыла глаза. «Будь что будет!» – эта мысль, словно мячик для пинг-понга, прыгала у них в головах, своим напором изгнав все другие.

Глеб, не выдержав, захватил губами своенравную завитушку волос, коснулся нежной кожи. Девушка вздрогнула, и он ощутил, как напряглась в его объятиях спина, готовая, как пружина развернуться. Прижавшись всем телом, он, как безумный, целовал ее шею, словно отпечатывая следы. Ледяная вода, изо всех сил пытавшаяся охладить неумолимо разгорающийся пожар, признала свое бессилие. Анна повернула голову навстречу покорившим ее губам, и произошло неизбежное. Глеб, слегка переместившись, словно не веря, легкими поцелуями прошелся по границам ее рта, запоминая каждый миллиметр. Губы девушки доверчиво открылись, и его язык, как дерзкий завоеватель, ворвался внутрь, утверждая свою власть.

Мучительно – сладкий, страстный, обжигающий поцелуй говорил «Да!» на все «Нет!» Какие бы преграды ни стояли между ними, они уже знали: губы не ошибаются. Каждый почувствовал, что единственный человек, который может заменить всю Вселенную, уже здесь.

Слиться в одно целое. Руки. Анна мягко высвободила из железной хватки руку, повернулась лицом и мокрой, заледеневшей, нежно погладила шею мужчины. Лыдинка на пылающей коже. Глеб вздрогнул. Не обтерев ладони, жадно прижал к себе ее бедра и, поднявшись выше, словно не веря, сжал тонкую талию. Пальцы скользнули под короткую футболку. Еще мгновения назад холодные руки сейчас словно прикоснулись к огню. Стало нечем дышать. Руки не ошибаются.

Мысли, слова – ушли. Слияние губ. Мало. Мало. Анна встала на носочки. Теперь сердца рванулись навстречу друг другу и, оказавшись рядом, поймали ритм и застучали в унисон. Сердца не ошибаются.

Оторвавшись от покоривших его губ, Глеб начал лихорадочно целовать лицо девушки, шею, спускаясь ниже. Хрупкая ключица, выглядывавшая из выреза, окончательно лишила его разума. Подняв почти больной взгляд, он отчаянно искал ответ в глазах Анны. Ответ на незаданный первозданный вопрос: «Ты моя?» Глаза не ошибаются. «Твоя! Твоя!» – прошептала глубокая синева, прощаясь...

Анна отвела взгляд. Легко ладонями коснулась лица Глеба. Вмиг пересохшими губами она целовала его. Коротко. Как – то безнадежно, обреченно, не позволяя вновь слиться. Затем обхватила его за талию и уткнулась головой в грудь. Запоминая, вдыхая его запах.

И только что достигшее пика умопомрачение рванулось вниз, в пропасть, обрывая все внутри.

Без слов Штольцев понял: это максимальное количество счастья. И оно уже отмерено. Успокоив дыхание, он с горечью подумал, что готов наняться садовником, дворником, водителем, лишь бы быть с ней рядом.

«Ага, – хмыкнул здравый смысл, получив изрядного пинка от мужского самолюбия. – И каждое утро низко кланяться – Здравствуйте, Кирилл Как-Там-Вас! Да я убью его!!!» Глеб крепко прижал к себе девушку, взорвавшую его мир, своего Черного лебедя.

Это все, на что расщедрилась Судьба. Штольцев стиснул зубы. Слова, которые сейчас прозвучат, разделят жизнь на «До» и «После». «И что? Ты даже не попытаешься бороться?»

Он был уверен, что трепетно прижавшаяся к нему девушка решения своего не изменит. Но осужденному на казнь предоставляют последнее слово. И он от него не откажется. Хотя раньше не считал нужным в чем-либо объясняться: зачем держать человека, который хочет уйти? Получается, никого он не ценил, раз собственные амбиции были дороже? Или он мыслил

по-другому? Да, есть над чем подумать на досуге. Одиноким досуге или досуге в одиночестве? Теперь все не так.

Не размыкая объятий, перемежая слова с легкими поцелуями с шеей, в ухо, в макушку, он заговорил.

– Аня! Я знаю все, что ты мне скажешь и чего не скажешь из соображений такта. Ничего, что я на ты? Глупо выкатывать девушке, на которой мысленно уже женился.

Анна вздрогнула, резко вырвалась из его объятий. Гнев, обида, уязвленное самолюбие сверкали в ее глазах, делая ее воплощением Богини Гнева. Слезы звенели в голосе. Она сжала кулаки и словно не могла определиться, стукнуть Глеба или стол.

– Так вот что это было?! Для вас это все называется жениться, как вы изволили выразиться?! В смысле переспать?!

Глеб изумленно посмотрел на нее. Как ребенок, не понимающий, за что его ругают, он только растерянно хлопал глазами, не зная, что сказать. И лишь когда Анна собралась уже сделать фуэте от него, до него дошла сказанная им двусмысленность. О, боги! Ну почему из сотен тысяч слов он выбрал те, которые способны обидеть?!

Поймав ее за руку, не обращая внимания на брыкания, он снова прижал ее к себе.

– Анна Викторовна! У меня и в мыслях не было оскорбить вас. Я не мастер красноречия. И я сказал ровно то, что думал. Я неандерталец, который живет инстинктами. За версту чувствую другого мужчину. А от вас исходят импульсы одиночества. Поэтому я хочу жениться на вас, защищать вас. Я ..., – Штольцев немного замялся, впервые в жизни произнося такие слова и сам себя не узнавая. Затем, словно нырнув в холодную воду, выпалил:

– Я хочу от тебя детей, – выпалил Глеб, перейдя на ты.

Все красивые слова, стройные аргументы, которые он приводил в защиту их отношений, просыпаясь среди ночи, улетучились, лишь только настало время озвучить их. И теперь уже, сказав самое главное, пропустив всю прелюдию, он со страхом ждал ответа.

Анна притихла, однако сердечко все еще колотилось пойманной птичкой, теперь уже не от гнева, а от волнения. Вместо слов прощения, она поцеловала его в грудь, открытую благодаря распахнутому вороту рубахи.

– Глеб Платоныч! Я не буду рожать. И Кирилла это устраивает. Поэтому я выхожу за него замуж. И изменить это я не в силах. Поверьте, если бы у меня был выбор..., – Анна не договорила, спазм перехватил горло, и она молча снова уткнулась ему в грудь, запоминая, продлевая иллюзию счастья.

– Выбор есть всегда. Только иногда он бывает неудобным, – желая и не имея сил разжать объятия, ответил Глеб. «Вы имеете право хранить молчание. Бла-бла. Все сказанное может быть использовано против вас» – все это он хорошо знал, потому и оставил промчавшийся вихрь мыслей при себе. Он знал и то, что и без детей любил бы ее, мирился бы, сцепив зубы, с тем, что сотни глаз будут пялиться на ее ноги на сцене, дарить цветы, рваться в гримерку.

Стоп. А где он в это время будет? Будет с ней в Италии? Что он там будет делать? Наймется в помощники к юноше Скоробини? Бросить свою работу? Россию? Готов ли он на такие жертвы? С таким раскладом классическая семья невозможна. Гостевой брак. С возможностью видаться самое лучшее раз в месяц. И весь месяц раздраженно рычать на подчиненных от невозможности обнять, поцеловать свое сокровище. При воспоминании о поцелуе горло перехватил спазм. Это не козлиная похоть. Он безумно влюбился в эту хрупкую и сильную девушку.

Нервно подрагивающими руками он начал гладить ее спину, не смея больше даже легким касанием спуститься ниже. Получается, Нину он не любил? Ведь она была сторонницей чайлд-фри, брака, свободного от детей, и это его не сильно смущало, даже наоборот, успокаивало. Не хочет, и ладно. Но сейчас пришло время откровений. Глубоко в душе он был уверен, что вырастить сына, вместе с деревом и домом – святая обязанность каждого мужчины. Обязан-

ность и право. И жгучее желание держать на руках горластое чудо с такими же, как у мамы синими глазами-озерами. Но ради любви он готов не требовать этого.

Голова шла кругом. От работы он не откажется. Значит, в Италии не сможет обеспечить ей достойную жизнь. Вот и получается, что предложить, кроме горячего сердца и твердой руки, ему нечего. Не-че-го. «Нечего и мечтать. Опускайся на землю! Ты же утверждал, что все это не для тебя! Вселенная слышит...» – резюмировал внутренний голос.

– Аня! У тебя рука обожжена. Давай я приму необходимые меры, – мягко разжимая объятья, выдавил он из себя. Он усадил ее на стул, пулей метнулся за аптечкой, которая была в автомобиле. Взяв в руки ее тонкую, невесомую кисть, он нежно подул на обожженное место, обработал спреем от ожогов и аккуратно опустил ей на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.